

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

МИР СТРАТЕГИИ

ВАДИМ ДЕНИСОВ
СТРАТЕГИЯ.
РУССКИЙ СОЮЗ

Вадим Денисов
Стратегия. Русский Союз
Серия «Стратегия», книга 4

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4962601
Стратегия. Русский Союз: Фантастический роман: Альфа-книга; Москва; 2012
ISBN 978-5-9922-1339-3

Аннотация

Казалось бы, есть повод успокоиться. Русский Союз – это уже веско. Новые анклавов готовы к нему присоединиться, с ним вынуждены считаться беспокойные соседи. Его влияние распространилось на огромные, по местным меркам, территории. Вот только осваивать их некому, людей отчаянно мало. Остановиться бы с экспансией, оглядеться... Но остановка может дорого обойтись. Не повторят ли русские историческую ошибку, заявляя сами себе: «Когда-нибудь продолжим, вот только обживемся, порядок в новых землях наведем...»? Так что же делать дальше, какую выбрать стратегию?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	31
Глава 4	48
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Вадим Денисов

Русский Союз

Глава 1

Типа подарок

Алексей Сотников, диггер-прагматик... и политик-романтик

И чего я сюда чуть ли не раньше всех прибежал?

Девчата из диспетчерской явно поторопились, действия служб еще не согласовали, но от греха выдернули начальника раньше времени. Зато оперативно получилось – только узнали, сразу отреагировали.

– Куда?

– Да вот, прямо за поворотом, но не направо, как обычно. Там увидите.

И слесарь убежал. Отлично дело поставлено: порск! – и нету. Ладно, идем сами, не маленькие, да и путь мне пока знаком – в разных крыльях огромного и мрачного подвала Замка давно размещены многочисленные склады служб. У меня тоже имеется личный склад. А вот здесь уже не знаю... Новое место, точно не бывал. Ну, слесарюга... Теперь вниз, как я полагаю? Точно. А ступенек-то много. Я же вроде заходил сюда еще в первые судорожные дни? Или это в другом крыле было? Не помню уже, чередой событий съела не самые нужные и важные воспоминания.

Снизу раздавались громкие голоса. Есть там народ, шевелится.

– А Дугин, Дугин где?

– Он еще ниже. Ты инструмент принес?

– Какой? – тупым таким голосом.

– Генос, ты тупой? Кем работаешь? Такой! Дуй в бытовку, хватай синий чемодан! Голову снимут на хрен, тут все на взводе!

Мимо меня наверх молнией пронесся еще один слесарь – тот самый «тупой Генос», лишь теплый ветерок запахом лука мазнул по лицу. Прямо с обеда бедолагу сняли – откуда сообразительности взяться. Второй ломанулся по лестнице вниз, меня, между прочим, тоже не заметив. А чего замечать командира, хожу тут, как тень отца Гамлета, хрен кто внимание обратит, пока Шекспир не скажет.

– Фонарь держи правильно! – донеслось снизу среди гула голосов.

– Да держу я! – и матом.

Кстати, мой надо бы поменять, какой-то он немодный, тяжелый и светит плоховато. Все давно с LED-ами бегают. Шагал я осторожно: ступени старые, темно, а туфли на мне новые, лаковые, жалко будет, если изгваздаю. Одиннадцать, двенадцать... Ну да, все пролеты по двенадцать ступеней, понятно, как же без вас, Уважаемые Смотрящие!

Как же вы уже достали своей одинаковостью в счете. Без вас тут ничего не сладится...

Дальше мне спускаться не пришлось, некуда было: в узком проходе подземного хода толпилось человек восемь, не меньше. Хорошо, что сбоку имеется широкая ниша. Пустая? Не вижу отсюда. Ого, а не ошиблись диспетчера! Да тут тоже наше хозяйство, оказывается! Сбоку от меня на каменной кладке подземелья белела прямоугольная надпись на табличке со стрелочкой, пристрелянной дюбелями: «Генераторная № 2». Как много я не знаю про свой Замок. Нет, генераторную номер один я отлично помню, сам агрегат принимал на запуске. А тут? Это где турбина стоит, что ли?

Точного количества суетящихся подсчитать пока было невозможно, люди постоянно двигались, вынося и передавая по цепочке выбитые и вынутые из кладки каменные блоки. Похоже, какую-то стенку разобрали. В той самой нише, размером примерно четыре на пять метров, уже громоздился приличных размеров штабель хорошего крепкого камня. Складывают аккуратно: такой всегда пригодится, каменоломни у нас нет. Камень из тела Замка ценен вдвойне, Ковтонюк собирается реставрировать зубцы стен крепости, вот ему такое и пригодится – аутентично будет. И прочно.

И что это за стена была такая ненужная, а?

Ладно, сцена «Входит Дракон».

– Так, дети подземелья, а где у нас тут место для курения?

Люди вздрогнули, обернулись, губы зашевелились в «здрасте».

А глаза-то у всех бешеные, азартные, шальные! Услышав голос предводителя, работники механослужбы начали выходить из подсвеченного аккумуляторными фонарями тоннеля и прижиматься к стенам, оставляя руководству достаточный проход.

– Командор, ты... Так это. Нет проблем, можно прям здесь курить, – быстро разрешил Дугин. – Вентилируется отлично. Сам смотри.

Все синхронно подняли головы и посмотрели вверх, где в зарешеченное отверстие лениво втягивалась пылевая взвесь.

Я же смотрел только вперед. Темная арка в боковой стене – вот из-за этого все и завертелось. Слишком темная, страшноватая... Словно из шизоидных некрофильских книжек категории модного чтения былой планеты. Уже почти разобрана, по ту сторону кто-то возится, камни выталкивает. Ох, ох, что-то мне все это не нравится заранее, не люблю я сюрпризов, тем более под самой задницей... Стена-то, похоже, закрывала вход в скрытый прежде тоннель.

Где это мы сейчас находимся?

Я быстро прикинул, вспомнив свой маршрут. Ну да, входил почти под правой «речной» башней, сейчас уже точно за периметром, куда-то в сторону Звонкой ход идет.

– Ну и че там слышно, Вов? – спросил Дугин у вылезшего из арки широкоплечего камчадала Володи.

– Там где-то проточная вода шумит, но не сильно, – ответил бывший сменный мастер городской ТЭЦ Петропавловска-Камчатского, – в принципе можно смотреть.

– Ну так сейчас вместе и посмотрим, чего здесь у нас плохого обнаружилось. – Я быстро сбегал по последним ступеням, пожал руку сперва главмеху, потом и всем остальным. И тут же закурил – меня ведь тоже с обеда катапультировали. Но в столовку возвращаться не буду – наелся, так что посмолить действительно можно.

Освещения в подземелье не хватает, работают лишь ручные фонари персонала – дополнительные светильники на телескопических стойках только устанавливают. Точнее, не устанавливают: задержка.

– Инструмента нет, Главный, ганца паслали токчто! – с запинкой сообщил мне Ринат Гареев, звеньевой бригады электриков, стоящий рядом.

– Я в курсе.

А перегарчик-то от Ринатика нормальный прет. Вот почему пьяные всегда дураки? Кто тебя толкал к начальнику с перегаром лезть? Всегда нарываються. И мне еще говорят, что татары меньше пьют... Только не наш Гареев, это уж точно. Ох и кончится сейчас мое терпение!

Сосчитав до пяти и подняв голову, я тут же наткнулся на глаза главного механика.

«Леша, только не сейчас. Ты же знаешь, как он работает. Не заменю: некем заменить».

«А травма? Сам убьется и людей угробит! И пример какой?»

«Я же здесь... Послежу. Он спец, давай после».

Вот такой обмен. Следи, следи, механик...

Я уже докурил, когда Заветный Синий Чемодан наконец-то притартали, в полутьме тихо звякнули замки, и уже через три минуты яркий свет залил помещение. Проход-пробой, под купольным сводом которого уже витала поднятая при строительных работах желтоватая пыль, смотрел на нас, как западня.

– За ним зал, квадратный или прямоугольный. Большой.

Ого! Как много я не знаю про свой... стоп, это говорил уже, повторяюсь.

– Короче, так. Готовили помещение под монтаж резервных генераторов на втором посту, – начал было объяснять Дугин, но тут же прервался, вспомнив важное: – Секунду... Ринат! Пулей дуй ко мне на склад, ключи вот держи. В пятой кладовке – в пятой! – берешь комплектный телефон полевой связи, катушки знаешь где стоят? Хорошо... Катушку забираешь. Конец – девчонкам в диспу, а сами сюда! Олега и Фаню забирай. Фаня, елки! Я про тебя говорю, слушай! И бегом назад...

Гареев обрадовался. Точно, похмелится он наверху.

– Начальник, я тама у вас куруклаупцы видиль. Можна будит их...

– Не трогай там ни хрена! Ни пальцем, понял, убью! Бегом! Но волоске висишь, гад!

– Пигим уже, пигим!

Грамотно Евгений Иванович убрал раздражителя, грамотно. Умница, чего там.

– Когда Серега с Горынычем, – главный инженер, почти успокоившись, кивнул на двух молодых людей в синих с красным комбинезонах, запыленных, давно обмятых, – засверливались под крепеж кабель-каналов, в одном месте бур ушел в пустоту. Постучали, прикинули. Что делать? Известно что, стали разбирать, и – опа... Ну и вот, короче, нашли подземный ход. Как в книжке.

В два хреновых фонаря мы начали пробовать рассмотреть незнакомое помещение, не дожидаясь, пока мужики перетащат противно скрипящие по камню треноги светильников.

– Ну че, поздравляю тебя, Жень. Ты прямо сталкер у нас, катакомбы нашел. Метро-два. Ковтонюк уже в курсе дела?

По жесту Дугина можно было легко понять, что ему сейчас не до конкурентов.

– Да не до того было, сам понимаешь. Азарт ведь, Леш... Видишь, как быстро все уже разобрали, причем ручками! Генос вон даже взрывать предлагал, умный, блямба... А инженеры и диспетчера сообщат.

– Рация, не?

– Что ты...

– Ты б за ТБ тут последил... Подземные работы, а у вас даже касок нет, – покачав головой, предъявил я для порядка. – А если на репу кто примет? Ладно...

– Газоанализатор скоро принесут научники, – не совсем в тему добавил Жень. – И огнетушители.

Напуганный Ринат с заданием управился в рекордно короткий срок. Вроде ведь только что ушел! Неужели и в диспетчерскую протянул? Недаром говорят, что выпивающий работник наиболее ценен в авралах. Масса факторов на это работает. Хрен с ним, пусть Женька разбирается, его люди.

– Пошли, че тут топтаться, – скомандовал я и, забрав у ребят Дугина один из мощных аккумуляторных фонарей, решительно поднял ногу, чтобы шагнуть в зал. Черт, лак с носка уже содрал! Нет, ну надо же! Ладно, другой обуви нет, все равно пошли.

Не вышло. Не дали мне стать первопроходцем.

– Стоять всем! – оглушительно заорали позади, и меня почти тут же буквально вырвали из тесноты прохода.

– Все назад, стоять-бояться, не мешать спецуре! – Вооруженный до зубов Гоблин был настроен очень серьезно.

Что-то промелькнуло, я вновь ощутил толчок, но уже слабый.

Р-раз! И передо мной артхаусно возник внезапный Кастет. Всплыл из ниоткуда!

– Командор, р-разворо-от! – Он с наглой решительностью руками помог мне выполнить команду. – И пять шагов вперед. О-так! Без обид, Главный, мы первые, как положено. Сталкеры ж, на.

Обстановка сразу стала военной.

– Да вы же так возбудились! – огрызнулся я. – Никого там нет.

– Это неприемлемо, – отрезал Костя. – Нет, есть – увидим... Командор, не стоит, даже не начинай. Под руки отведем. И дугинцы нам помогут.

Я оглянулся – помогут ведь, паразиты. Плюнул на пол, вытащил еще одну сигарету.

– Делайте что хотите. Смотреть буду.

И сел на корточках у стены.

Анклав невелик численностью, все и всех знают, событий мало, сплетен много.

Но сталкеры стоят отдельно. Рабочий люд не видит их работы, не представляет, какова она в реале: где-то лазят, с кем-то воюют, что-то добывают да разведывают некие «новые земли». Героические люди. Однако случись что с ними – никто из стоящих тут работяг этого не заметит: сталкеры не в коллективе, они не от мира сего. В тусовках практически не участвуют, в самодеятельности тоже, в спорте – по наличию времени. Домов своих у мужиков нет, как и хозяйств, и тут они не в кругу. Одни героические легенды и слухи.

Недавно в анклав начал работать театр.

Вы не ослышались, театр, самый настоящий, Русский драматический. Появился у нас, понимаете, новый потеряшечный человек, оказавшийся режиссером провинциального театра. Пока кадровики мучительно думали, куда бы его пристроить (зовут Феофан Арно, между прочим, причем это не псевдоним, Укус проверят: вот куда его?), он ждать не стал, быстро набросал хозяйственный и творческий план, составил репертуар, умело выстроил схему и подвел базу. Собрали комиссию, думали недолго – создаем. Ибо зрелищ народу остро не хватает. Да и работа с массами.

Артисты все самодеятельные, как завещали нам герои фильма «Берегись автомобиля», в штатке числятся всего два человека: режиссер и ассистент. Труппу набирали быстро, но трудно, желающих оказалось неожиданно много: кто в ТЮЗе играл, кто в СТЭНе, кто в КВНе, – богат наш народ талантами. Так вот, туда и Гоблина приглашали... на специфические роли. И он реально хотел! Но работа не позволяет: планированию она никак не поддается, а системно срывать спектакли никто не позволит.

Кстати, завтра труппа уезжает на первые гастроли – в Берлин.

В арендованный КАвЗ артисты не вмещаются, пришлось им еще и бортовую выделять для реквизита. А в Берлине полный ажиотаж, граничащий с хаосом, струится атлас, на задворках мелькают бигуди, нейл-англичанка умчалась к немцам три дня назад.

Кипим.

В Замке сталкеры – мирные люди, и посмотреть особо не на что, когда изредка в столовой локтями столкнешься. Здесь же мирной публике было на что посмотреть. Оба волкодава синхронно поправили снарягу, перекинули на грудь автоматы со «стимпанками» под стволом, накинули на голову ночники, включили на оружии бортовые фонари, щелкнули по гарнитурам. Точно, внутри-то можно и на рациях... Переглянулись.

– Входим.

Миг – и они исчезли в проеме.

Мужики, робко переминаясь, напряженно слушали: что же там будет происходить?

Пока было тихо, лишь пару раз лучи фонарей скакнули по рваному краю проема. Потом сталкеры заговорили чуть громче, все услышали, как радостно захохотал Гоблин, Костя ему что-то коротко ответил. Фу, все нормально...

И тут из темноты вынесло дикий крик! Кричал Гоблин. Гоблин!

– Что это! Падла! Я без ствола, Костя! Сбоку смотри!!!

– Не вижу! Резкий он! Пистолет лови!

Что-то тяжелое упало, покатилося по земле. Я почувствовал, как холодеют руки. Адреналиновый вихрь пролетел по публике.

– Взади он! Ствол вырвал! В ножи!

В тот же момент ко мне подлетел камчадал с ломом в руке, оттолкнул назад – везет сегодня Сотникову на толчки.

Но тут все стихло. Где-то действительно журчала вода. Господи...

Потом в проходе показалась голова Сомова, страшная, дикая, белки глаз маньяческие.

– Что, бойцы, испугались? Штаны сменить не треба? – участливо спросила у народа голова и паскудно заржала.

От сучок! Градус в помещении мгновенно повысился. Мужики зареготали, забубнили. Еще немного – и примут сталкеров в дреколье.

– Идиоты! – истерично возопил Дугин. – Дети малые!

– Бить будете, папаша? – осведомился внезапный Кастет, тоже появившийся в проеме.

Главный инженер был настроен именно так.

– На лопату вас! На кайло!

Ага, напугаешь ты таких, как же. Это не Ринат.

– Да ладно тебе, Евгений Иванович... Скучно же в кабинетах, жир, сплошной вельвет.

А тут вон какие стали – бодрячком! Заходите, смелые, чисто там.

Я еще раз выдохнул. Ну что с ними делать? Да ничего, веселый солдатский юмор.

– Пошли. – И теперь уж точно полез.

Следом выдвинулся главмех, а за ним уже остальные потянулись. Оказавшись в новом помещении, я еще раз с сожалением посмотрел на угробленную обувь и чуть отшагнул в сторону, давая проход остальным. Дугин перегнулся через остаток кладки и опасливо посмотрел внутрь, вода лучом фонаря из стороны в сторону. Поднял полы пиджачка, залез. Следом протиснулся и Володя. Он заглянул вниз и, тихо выматерившись, что было отлично слышно в гулком зале, переключил свой фонарь на режим рассеянного освещения. Так было видно чуть получше.

Все те же стены кладкой, но уже не знакомые каменные блоки, а кирпич, крепкий, старинный, темно-красный. Потолок шестью куполами, по три в ряд, прямо Грановитая палата. Две мощные каменные колонны, поддерживающие свод. Что там? И здесь вентиляция есть! Куда же ее колодцы выходят, неужели в замок?

– Ринат, телефон сюда тащи!

– Свет давайте!

Вспыхнули светильники, и большое прямоугольное помещение предстало нашему взору во всей красе. Это было шикарное помещение площадью где-то восемнадцать на двадцать пять метров. Совершенно пустое. Черт, все равно мало света... Точно, пустое. Ничего не стоит на полу и у стен, ни ящика, ни шкафчика. В дальнем конце темнел еще один проход, возле которого стояли сталкеры. Больше проходов или дверей нет.

– Мы дальше пошли! – крикнул Костя, чтобы все услышали, а не только Дугин с рацией. – За нами ни шагу! Шутить больше не будем.

Зал хоть и пустой, но необычный. Одна деталь была, очень и очень интересная: в зале имелась какая-то ванна в полу. Или канава.

– Отсюда оно и журчало! – догадался Володя, просто молодец.

Подожел поближе, посветил – «оно» там действительно вовсю журчало: по вытянутому мелкому резервуару-лотку бежал поток воды. Из Волги-реченьки, наверное. Хорошо, что тут вентиляция, а то стены отсырели бы. Я посветил на кирпичи рядом со стоком: плесени не видно.

– Чистая, не? – больше себя самого спросил. – Или уже с дерьмом?

– Ты что говоришь? Мы же в другой стороне. Похоже, что чистая, – чуть помедлив, решил Дугин. – Дерьмо в другом месте сносит, эта врезка в стороне и повыше. Может, от Звонкой рукав идет.

– Все равно... Там бани.

– Пробы возьмем, снесем химикам, – не дал мне продолжить Евгений Иванович. – Вода – это хорошо.

– И что нам со всем этим богатством можно сделать? – спросил я себя вслух и тут же посмотрел на Женку.

Многое можно сделать. В его глазах я прочитал разгорающееся стратегическое планирование. Свободных помещений под цеха у нас просто нет, никаких.

Да и самих цехов нет, если честно и объективно.

То, что мы гордо называем «цехами», – примитивные сельские мастерские в сараях, а не цеха. Химическая лаборатория, например, ютится в избах, как и ремонтники, технологи постоянно стонут, организация любого передела сразу упирается в острейшую нехватку помещений. Затея с отдельно стоящим зданием Медцентра проваливается, собрать всех медиков под новой крышей не получится: уже не хватает пространства в строении – мала крыша!

Мы пока просто не успеваем строить крупные здания, не имеем возможности по человеку-дням. Избы ваяем, пусть и большие, да ангары в самом что ни на есть примитиве. А здесь... мало того что все спрятано под землей и, таким образом, отсечено от погодных и климатических факторов, так еще и за периметром.

Я даже знаю, о чем он конкретно думает! Сейчас проверю.

– Шайтан-цех хочешь поставить?

Дугин кивнул. Мужики длинной рулеткой планомерно замеряли стены, места расположения колонн, Володя записывал и тут же эскизил в блокноте. Сталкеры свалили дальше, связисты тянут связь по мере продвижения.

А мы с главмехом молча прикидываем.

Головная боль оружейников – оружейные капсули. Это их главный кошмар. Отрубят Смотрящие канал – и все, скатывайся к примитивному. Многое наши спецы уже могут сделать, даже по порохам проблема стала решаемой, после того как египтяне показали способность выдавать чистый хлопок. С капсулями сложнее: тут нужен нормальный патронно-капсюльный заводик. Оборудование постепенно натаскать и вдумчиво смонтировать можно, сырье, у нас пока не имеющееся, – тоже, много ли его нужно. Опыт появится, как и специалисты. Нужно помещение.

В крошечной «шайтан-избе», входящей в структуру химлаборатории научников, двое химиков уже сделали первые капсули. Вручную. Третья проба, на этот раз вроде удачная. Но это лишь казус, игры над проблемами, а не их решение. Дикий труд, колоссальная себестоимость, никуда не годится, только для опыта и понимания возможных тонкостей технологии. Если же нам удастся организовать такое предприятие, считай, большого отката не произойдет, все имеющееся будет стрелять и поражать цели. В идеале нужно с лесной поляны убрать вообще все оружейное производство: открытые местности не для наших реалий – любая диверсионная группа устроит нам Хиросиму. Плюс погодные сюрпризы, вполне возможные. Да хоть падение пещерника сверху!

– А на освободившемся месте металлистов поставить... И стройматериалы... – Я даже не заметил, как начал рассуждать вслух.

Дугин только вздохнул, медленно почесав нос.

Лаборатория сталей и сплавов тоже нужна позарез, литейка – это не выход, колхоз, сейчас более-менее толковые сплавы способен выдавать только наш кузнец, в силу природной гениальности, но и это кустарщина, да и некогда ему, заказов навалом.

В принципе я всего могу натаскать.

Да, есть какие-то сроки годности, в том числе и у капсулей. Однако опытным и научным путем их, наверное, можно увеличить особыми условиями хранения. Не знаю. Дело не в том.

Нам нужны сами производства – как данность, как инструмент технологического развития. Но не для снабжения, как такового, и даже не столько для освоения технологий – для воспитания спецов. И тут нужно торопиться. Торопиться, пока живы люди, много знающие и многое умеющие, получившие образование и опыт еще там, в потерянном техногенном мире, обладающие школой и способные таковые школы либо воссоздать, либо придумать новые. И тогда они успеют передать свои знания, навыки и опыт тем молодым сменщикам, которые старого мира и старой Земли не видели и уже не увидят. Успеют! Вот что главное, а не размер складов.

Ибо любой склад пустеет без системного пополнения.

И где тогда потомки будут брать легированные стали и пластики? Что будут вкручивать в цоколи и пихать в казенники орудий? Создавать по накопленным и натасканным книжкам нашей огромной библиотеки? Да хрен там! Такое освою лишь единицы, быстро за свою неумность определенные в белые вороны с высылками в Морской Пост. Нам нужен Слой (ладно, пусть хотя бы Прослойка) исправно и без потери качества сменяющейся научной и технической интеллигенции.

Нужно статистически необходимое для процветания и поступательного развития анклава количество людей, знающих и умеющих. Умеющих – ключевое слово. А где учиться или вспоминать те умения самым первым?

Правильно, нужно дать им полигоны.

Которые для успокоения или отчета можно назвать цехами, лабораториями или как еще угодно будет. Дорогое это удовольствие – тратить время и ресурсы на освоение практик, если можно банально заказать и получить готовое... Но это все окупится.

У меня были и есть критики-ворчуны из пенсионерского сообщества. Порой, казалось бы, толковые вещи говорят. Я не парюсь. Потому что одно дело – перманентно критиковать официально принятую мной картину сотворения Нового Мира, указывая на имеющиеся косяки, и совсем другое – пытаться предложить свое, опираясь на собственную мудрость. Всегда есть липовые мудрецы, имеющие все атрибуты аксакалов: возраст, опыт и заслуги. У них нет главного: они не могут предложить новой работающей модели.

Журчала вода, что-то обсуждали люди, тянущие провода. Появился возбужденный увиденным и услышанным Коля Мазуров, бригадир строителей, а по сути и уровню – нормальный начальник участка. А где сам Герман Янович? Не заболел?

– Коля, шеф твой где? – крикнул я.

– Так на Промзоне он, вчера вечером уехал! Завтра в обед приезжает.

Итак, оружейка. Оружейная мастерская – подразделение механообрабатывающего цеха мехзавода, что захватил всю территорию бывшей лесопильной поляны. Поначалу это было отдельное здание в самом углу периметра, вдали от остальной механослужбы, режимная территория, вход по пропускам. Потом оружейники понастроили еще изб и складшкóв, так всегда бывает после выделения территории: хозяева, елки, городи что хочется. Строений

там теперь много, даже слишком много, с учетом всех подсобок, бытовок, душевых и толчков, а вот реально полезной площади – с гулькина сына хрен, под каждый новый стенд, станок и участок передела приходится каждый раз колотить новую избу – кучу делового леса извели. Вторые этажи у нас тяжестей не терпят.

Но ведь и здесь мало места!

– Вдвое больше нужно как минимум, – запереживал Дугин. – А вода – это хорошо.

– Далась тебе эта вода, Женя.

– Ну, капсюля тут, наверное, можно, если вспомогалку убрать в другие подвальные...

– Ага. Те, которые под стеной или, еще хлеще, под площадью Замка. Если рванет... –

Мне заранее страшно стало.

– Тут над головой метров пятнадцать скального грунта, – просто так брякнул главмех, для проформы, правды ради.

– Да все равно никто тебе не даст рисковать твердыней.

– Да прав ты. А ведь нужен полный цикл, до гильз в сборе.

– Негде.

Но Смотрящие услышали наши молитвы.

Пш-шш...

– Смотрите следующее, сдаем чистое, не пачкать! – голосом Гоблина ржаво проскрипела рация на груди у Дугина. – По боковой лестнице не подниматься и вообще внутри колодца не соваться. Мы пошли дальше. Отбой.

Этот зал оказался больше предыдущего раза в два! И он был не пустым.

Я подумал, что сейчас пошлют за медиками, так побледнел Дугин.

– Жень, ты че!

– Обалдел я немного, Леша, вот что, – как-то нехорошо прошептал главный механик, доставая из кармана пиджака валидол-спрей.

Этого не хватало!

Дугин пышноул под язык, в воздухе чуть запахло мятой.

– Чемодан дайте! – скомандовал я. – Садись, садись.

Посадили, прислонили главмеха к стене. С медиками разбираться пора – куда смотрят на профилактике! Да и я хорош... Нужно Дугина в отпуск загнать, вот что, пусть мужик отдохнет. В приказном порядке, в Южный Форт, на пляж. Фельдшер на Промбазе есть, правда, по совместительству, так всегда делается в поселках малой численности. Точно, завтра же займусь, не отвертится.

– Закурить дай, – тихо попросил он.

– Ты ж бросил наконец-то! Сам же хвастался, – сморщился я, но пачку достал. Не буду спорить и учить здоровью, не мое право. Так вот и живем, валидол коньячком закусываем, табачком занюхиваем.

Вдоль правой стены стояли пушки.

Восемнадцать гладкоствольных орудий былых времен. И не те, пару которых доброты нашли в самом начале и которые поставили в экспозиции музея Замка – пузатые, короткие и толстостенные. Эти были диаметром ствола чуть поменьше, но длинные, поизящней, более поздний образец. В углу – целый курган ядер. Пороха, слав тебе, не видно. Или видно?

– Пустые! Евгений Иванович, да их тут штук восемьдесят! – заорал от дальнего угла какой-то белобрысый парень с короткой палкой в руках. По-моему, это тот самый Горыныч. Почему Горыныч?

Отжигает, поди, ввечеру.

– Все пустые, простучал!

А, это он о деревянных бочках докладывает. Целый штабель больших черных бочек, стянутых четырьмя коваными обручами каждая, стоял вдоль стены, протянувшись до той

самой боковой двери с лестницей, о которой и предупреждал нас Кастет. Подобную тару мы уже находили, в первый же день, да все давно использовали, распределили и растащили по поселкам. Дефицит, особенно в сезон заготовки. Пелядь, такая рыба, а что у нас не дефицит? Бондарь работает, но не успевает: спрос огромный. Да и не сделать такие большие да качественные быстро – тут вековой дуб, почерневший от времени, хоть коньяк ставь на выдержку. Кстати. Виноград имеется...

– Точно посчитай, – простонал Женька, не вставая с места: камчадал ему не дает, бережет шефа.

Горыныч услышал, начал осмотр заново.

Так, промежуточный итог таков: пушки, ядра, бочки. Уже немало. По пушкам нужно Гонту ждать – пусть решают с Беровым, пригодны ли они нам в таком количестве. Интересно узнать, какая у них практическая дальность стрельбы. И каких результатов по точности выстрела можно добиться, имея опытных канониров? В плывущий корабль реально попасть или это только в книжках про пиратов возможно? Черный порох можем делать в промышленных объемах, хоть месяцами тренируйся. Если их в Южном Форте поставить... Нет, самому фантазировать не стоит: пусть спецы дают свои экспертные оценки.

Боковая дверь папы Карло, о которой волнуются сталкеры, – что там? И сами-то что-то долго отсутствуют: неужели еще и третий зал есть? Ждать было тяжело, и я направился к таинственной дверке. Дверь вела в восходящий ствол.

Поиграл я фонарем, не заходя внутрь, – ну их, сталкеров, потом наслушаешься. Гладкие, словно оплавленные, цилиндрические стены закрытого сверху деревянной крышкой колодца. Диаметр ствол был не более трех метров, с тощими металлическими ступенями по спирали, вмонтированными в стену.

– Поручни надо приварить к ступеням, к ним направляющие, и сразу делать шахтный подъемник, не раздумывая, только это и нужно будет. – Стоящий позади меня Дугин уже все спланировал.

– Ну ты че вскочил, посидел бы еще.

Тот только махнул рукой:

– На том свете отдохнем.

А вот тут ты ошибаешься, Евгений Иванович, я решение принял и завтра же его выполню. Не убежит теперь это подземелье, все, нашенское оно.

Подбежал Горыныч – ни одышки, ни усталости, живой паренек.

– Алексей Александрович, там Ринат медиков вызвал, сейчас спустятся, – выдал он очередную новость и посмотрел на арку прохода.

Дугин застонал, а я обрадовался: правильно парни сделали. Только почему сам не вызвал, производственник хренов, – все бы тебе, Сотников, про работу...

Мазуров тоже был рядом: ему ничего объяснять не надо, белорус уже все понял.

– Что, товарищи, смею предположить, что мы роняем «оружейку» под землю? – А в глазах прирожденного строителя уже мысли о застройке освободившейся площади, в том числе и под жильем.

– Роняем, роняем... Может, не всю сразу, – нехотя признал главмех.

Дугин тоже хитрый: планирует, как бы там, наверху, филиальчик себе обеспечить.

– Проект будет нужен, – осторожно вставил белорус, понимающий, что сейчас не самое подходящее время для занудства.

Свет мужики поставили и тут, но его опять мало, нужно добавлять. Ну не я один такой сообразительный, вот уже и мини-генераторы народ тащит. Пошла жара – скоро все службы анклава здесь соберутся. И у всех тут же появятся мысли о дележе, а потому пока мне отсюда уходить нельзя.

В дальнем, неосвещенном конце зала вспыхнул яркий свет двух фонарей: это сталкеры вернулись из тьмы, оба идут сюда, да не торопятся. Важные, сытые, впечатлений хапнули, удаль показали. Сейчас послушаем. Раз дальше бойцы не двинулись, значит, разведка в целом закончилась.

– Да тут реальный шалман! – почти добродушно усмехнулся Гоблин, оглядываясь по сторонам и одновременно здороваясь с Николаем. – Всегда так, Костя: кто ищет, а кто на поживу слетается.

– Как там, Миша? Закончили? – не дал я ему развить самохвальную речь.

– Угу. Хватит на пока. Теперь нужно с колодцем разбираться. Не лазили?

Мы все замотали головами.

– И правильно, мы сами.

– Что там, тоже зал? – спросил я.

– Сейчас пойдем, покажем. Ибо там круто, с хитринкой ресурс, – ответил за товарища Кастет, сотворив озабоченную рожу.

Там, сразу скажу, действительно было круто.

Именно здесь заканчивалось пространство нового подземелья – это был третий, последний зал, чуть поменьше второго будет.

И прямо посреди него стояла... локалка.

Стандартная бревенчатая изба, даже избища, ближе к ангару. Труба торчит, сюр – с ума сойти. В голове ураганом пронесли панические мысли: как вытаскивать? Они там, наверху, совсем рехнулись!

– Компьютер глюканул, – прошептал Дугин, опять поморщившись. – Хотели сверху поставить, чтобы мы ее еще на старте нашли, да вот заглубилось оно как-то у них... Классический «Ой!».

Скорее всего, медики нам действительно пригодятся, и не только ему. Словно откликнувшись на мысль, в зале зазвенели женские голоса: а вот и они. Впереди, естественно, шла сама Зенгер.

Главврач в белоснежном халате двигалась по сумрачному подземелью, как фюрер между рядами фольксштурма (не напрямую же с Гитлером мне сравнивать родную врачиху), раздавая указания, приветствуя, похлопывая и оценивая. Народ только что не кланялся.

– Куда пропал, нарушитель? Почему не был в среду?

– Ну-ка, Игорь, посмотри на меня прямо... Не шурься. Хорошо! Вот! Глазки голубенькие, никакой желтизны. И запомни: тебе теперь даже квас нельзя пить.

– Гареев, жду тебя в семнадцать часов в кабинете, будем говорить уже предметно.

– С женой все нормально, плод лежит правильно. Ну-ну... что-то. Не волнуйся, Дима, все будет хорошо, я лично обещаю.

Следом за ней шла медичка из новеньких – по-моему, из Берлина приехала. Два мужика легко тащили боком матерчатые носилки, еще один – большой белый контейнер с красным крестом, германская штучка. Заметив нас, группа откорректировала траекторию; быстро подошли, быстро начали.

– Ставьте прямо здесь. Женя, мальчик, ну как же так? – Зенгерша присела на корточки.

Сколько раз замечал, в такие минуты и в таких ситуациях на место привычной всем Розы Клебб, полковника советской контрразведки из «бондианы», встает ее дубль – необычайно мягкий, даже ласковый. Профи.

Дугин что-то пробубнил, заранее расстегивая пиджак и рубашку.

– Звонила в столовую – диетстол ты не берешь. Режим не соблюдаешь, лекарств, более чем уверена, не принимаешь. Не дыши... Так... Ясно, собирайся.

– Куда? – выдохнул главмех.

Представляю, какой облом. Тут локалка невспаханная, а тебя пакуют.

– На кардиограф, миленький, на кардиограф.

Ложиться на носилки перед подчиненными Дугин категорически отказался.

– Хорошо, Женя, так пойдем. Сейчас только... Кто же это был, а?

Главврач оглянулась, что-то вспоминая:

– Фаня, сюда иди, дорогой!

Фаня, не соразмерный имени детина, типичный ижевский удмурт, вышел из-за спин друзей, подошел с опаской.

– Что у тебя с рукой? – Цепкий взор медика сразу отметил главное.

– Вчера порезался.

– Почему сразу не пришел? – С удовлетворением отметив, что пациенту сказать нечего, она отдала новую команду: – Ирина, полный комплект в мышцу. Чего стоишь, снимай штанишки, Фаня.

Заголять задницу при всех здоровяку не хотелось, но делать было нечего: все знают, с Зенгер лучше не связываться, дороже будет.

– Может, в уголок отойдем? – робко предложил Фаня, кивнув в темноту.

– Ты что, нашей Ирине интим предлагаешь? Снимай, говорю!

Мужики радостно заржали, кто-то навел и пыхнул вспышкой камеры телефона – из молодых, все страдают по исчезнувшему ютубу. Наконец интермедия «Санитарный поезд на передовой» закончилась, процессия засобиралась в обратный путь. Присмиривший Дугин уже не сопротивлялся.

Стоп, чуть не забыл!

– Маргарита Эдуардовна, минуточку. Задержитесь.

Главврач, дав группе команду на начало движения – мол, потом вас догоню, – обернулась ко мне:

– Слушаю вас, Алексей Александрович.

– Так что вы мне хотели сообщить о ваших VIP-подопечных? Мы с вами на три часа договаривались – боюсь, не смогу, сами видите, какие события.

Поняв, что одной фразой тут не отделаешься, главврач чуть кивнула в сторону. И это правильно, остальным слушать не стоит.

В высшей степени сенсационно появившаяся в анклавной группе Потапова содержится в местах, не столь отдаленных. Страшного подозревать не стоит, путешественники в карантине. Точнее, в VIP-карантине. Одно из подразделений Медцентра – крошечный санаторий Кордона, он же рекреационный блок – отдан им. Три дня, как положено, без всяких исключений, хотя мне постоянно приходит в голову мысль о перестраховке. Ни сам Потапов, ни его коллеги возражать не стали, тем более что условия там просто райские. Просторная и нарядная рубленая хижина в стиле «Турбаза в лесу», отличная природа вокруг, тишина и покой. Что еще нужно для полноценного отдыха... Персонала немного: медсестра, санитарочка, ну и «кордоньеры» помогают по мере надобности, легкий русский сервис. Ради этого дела мы сместили план платного обслуживания иностранцев.

– И заодно по персоналу... Терпят? Гости не вредничают?

Перед ответом и докладом главврач закурила. Есть такой парадокс. Сразу после попадания на эту планету люди меняют привычки и греховные приоритеты, научники даже исследование проводили. Условно: пить начинают меньше и реже – тому есть объективные причины, а вот курить больше и чаще, даже те, кто уже бросил. Тут у нас наблюдается явный откат. Причины пока не совсем понятны. Есть и другие особенности. Так, в целом снижается процент проявления социопатий, как и вообще любых aberrаций. Все это происходит вопреки многочисленным прогнозам самодеятельных и профессиональных исследователей возможных постапокалиптических сообществ.

Короче, психов, маньяков и социально опасных становится меньше.

А вот вредные привычки, увы, возрождаются.

– О чем вы говорите, Алексей Александрович. У меня целая очередь желающих попасть туда. Женщины, знаете ли, народ любопытный, а молодые тем более.

– Конечно, своих-то уже изучили во всех видах...

– Там один индус чего стоит. Есть у меня такие... Коллекционерки.

– Вот и хорошо, это я про готовность персонала. – Все равно не получается сгладить. Ох уж эти медики. – Так что нового?

– Есть необходимость поддержать их еще пару дней, – решительно заявила Маргарита.

Что-то подобное я и предполагал. Не вовремя все это. Я, как только получил первичную информацию, сразу провел совещание, больше похожее на торопливый обмен мнениями без должных раздумий. Но и после него стало очевидно: перспективы открываются огромные и тянуть тут нельзя. И вот – еще два дня.

– Вы не перестраховываетесь? – я спросил, не скрывая своего недовольствия.

– Знаете, Алексей... Мне в эпидемиологическом контексте слова «Шанхай», «Манила» и «Дели» даже вымолвить страшно. Как представляю, какие болезни могут всплыть... Реакция на прививки пока нормальная, анализы тоже. Но необходимы еще проверки. Их и после выпуска какое-то время будем контролировать, так что повторные им обеспечены. Кстати, хочу вас сразу попросить... Нам необходима соляная пещера, для астматиков, а здесь очень подходящее место.

– Добро. Два дня плюсом даю, – торопливо согласился я, старательно не замечая просьбы Зенгерши. – Но не больше, вы меня тоже поймите.

Глядя, как удаляется главврач, я опять закрутил в голове возможные перспективы, да так, что вынужден был сам себя остановить – не время и не место.

Конечно, тут случай не просто особый – уникальный.

Судно прибывшей группы стоит там же, в устье Листвянки. Тоже интересно: такие варианты нами не моделировались. По всему выходит, что «Клевер» есть частная собственность шкипера Ули Маурера. Теоретически мне ничего не стоит реквизировать его в пользу анклава. Но делать я этого не собираюсь: незачем – такой шаг раз и навсегда разрушит зарождающийся институт частной собственности. Только начни...

Хотя в принципе аналогии были. Найденное в дальних краях автоматически присваивается нашедшими, если те не состоят на государственной службе, конечно. Другое дело, что, кроме государевых людей, мало кто в таких краях бывает. По мотолодкам вообще вопросов нет, те потеряшки, которые на них прибыли, с ними же и остаются. Один на мотоцикле прикатил.

Эта же группа не просто отбила пароход – она совершила такой маршрут, что в принципе стала автономной единицей, успев набрать не только миссий, но и целую кучу невообразимо ценных сведений. И нам по-настоящему повезло, что Спасатель принял решение пробиваться на родину.

Интересен и статусный момент – такое тоже впервые.

Федор Потапов не столько в силу особенностей личности, которые заслуживают своей высокой оценки, сколько в силу полученных от Смотрящих чрезвычайных полномочий фактически становится на одно поле со мной. Ну и с другими Операторами Каналов. А это, извините, номенклатура, если угодно – каста. И тут свои отношения, понятия и разговоры. Ибо только подобные люди – облеченные – могут в полной мере понять друг друга.

А еще мобильный Канал привезли! Просто шок.

На первом совещании только что волосы у всех не шевелились от возбуждения.

С ходу накидали много дурацкого, но к концу собрания большинство торопливо высказанного мы сообщая отсекали. Однако же кое-что начало проясняться. Например – удивительная живучесть и активность населения Зоны Племен, что тянется по обеим сторонам от

Афганки. Как теперь выяснилось, Дели их особо-то не балует – откуда ресурсы берут, спрашивается? Одними ЛР не объяснишь. Стрельба идет, набеги случаются. Гольдбрейх первым высказал предположение, что кочевники в свое время нашли точно такой же терминал, и это многое, если не все, объясняет. То, что они нашли, неудивительно: племена очень мобильны, осваивают и осматривают огромные пространства, сиднем не сидят.

А Смотрящие, как выяснилось после очень сжатого рассказа о Балаклаве, оставляют специфические указатели в виде просек и изб. Если в Игру вводится такой вот новый фактор, как мобильный Канал, то можно предположить появление в будущем такового и у других кочевников. У зусулов, например, если те уже не разжились...

– Алексей Александрович!

– Иду.

Сталкеры торопят.

Говорили-то мы больше через стекло... Да, ребятки, конечно, обалдели. После такой встречи сразу угодить на кичу! Я лично чувствовал себя плохим киношным бесчувственным маньяком из бункера. Да и сейчас чувствую. Люди из таких далей пришли, такие перспективы притащили! А их – бац! И спаковали.

Кстати, с самим терминалом, сразу же сданным Потаповым «на склад», вышла проблема. На судне его не оставишь – страшно. А где не страшно? Правильно, в донжоне. Только вот «старичок», обитатель донжона, возмутился – случился конфликт устройств: оба планшета заверещали как резаные, носильщикам пришлось резко-резко выбегать из башни. А где хранить? Пришлось...

– Ну время же идет! – заорал Гоблин. – Или отбой операции?

Не, не! Какие «отбои»! Все, хватит мечтать, об этом позже. Но мысли не отпускали... Не ко времени этот карантин затеян! Но отменить никак не могу.

– Идем! – Я окончательно очнулся. – Показывайте.

Локалка – «стандартная средняя», по-моему, пятая по счету из этого типа. Мы медленно обошли вокруг, и я в который раз восхитился качеством зодчества Смотрящих. Уже сам дом многого стоит, настоящий подарок.

– Испортилось, поди, все. Сколько уже времени прошло.

– Да ни фиги, – отмел предположение Кастет. – Тут же длительного хранения в основном.

– В помещении сухо, микроклимат ровный, стабильный, долго храниться может, – авторитетно заявил камчадал. – В мерзлоте, конечно, дольше пролежит, но и в береговых пещерах доводилось находить припасы. Казалось бы, все сроки, а им хоть бы хны.

Целой делегацией мы вошли внутрь: я в числе первых, продолжая безуспешно гадать, в чем же состоит та самая хитрость данной ЛР, о которой говорил Лунев. Продуктов много. Позиция несколько потеряла актуальность, и сами нормально снабжаемся, но все равно – это подспорье. Одежда и обувь тоже важны. Ну а бытовая химия и предметы гигиены – на это спрос обеспечен.

– Инструмента прилично, – обрадовался Коля. – Сельхозка в основном.

– Да ладно вам, потом посмотрите, а лучше опись почитаете, – пренебрежительно махнул рукой Гоблин. – Пошли в соседнее, посмотрите на чудо.

– Транспорт какой? – откликнулся я. – Сладкая парочка?

– Не, начальник, дубля в это раз не вышло, – развел руками Костя.

Помещение было традиционно перегорожено стеной: тут находится продуктовый и вещевой склад, а в другой секции – что-то типа гаража: для того распашные ворота в торцевую стену и врезаны.

Дверь в стене открылась без малейшего скрипа, словно ее то и дело открывали, не давая железным петлям схватиться ржавчиной.

Там действительно стояла техника. Одна единица. Не так – Единица! С большой советской буквы.

Посреди большого «гаража» на подпорках был вывешен автомобиль, и не простой, а золот... бронированный! Я даже с некоторой опаской подошел поближе. Ничего себе... Угловатый, кузов открытый, двери заподлицо, ребристая решетка на капоте. И пулемет на станке.

– Это БТР-40В, – с гордостью пояснил Кастет. – Адский шушпанцер на базе грузовичка ГАЗ-40, ну и от ГАЗ-63 отпилили кой-че полезное... Система регулирования давления в шинах, самоблокирующийся дифференциал. Дикая вещь, эсэсэровская. Пулемет «горюновский», СГМБ. Движок карбюраторный, старый, слабоват, конечно, но кто нам мешает его поменять? Лебедка штатная, даже радиостанция родная стоит! Броня... точно не помню, нужно будет смотреть в справочнике, это в библиотеку надо. Где-то «десятка», пожалуй, лоб потолще.

– Это как, от чего спасает?

– Ротный пулемет выдержит, «крупняк» – нет. Хотя если новый движок воткнуть, то и броньку немного усилить можно будет, не знаю, многослойным титановым пакетом, как на «Дункане» сделали.

Это действительно круто. Просто очень круто, особенно в свете решения предстоящих стратегических задач. Только вот...

– Подожди, Костя... А как же его отсюда вытаскивать?!

– А вот в этом, уважаемый Алексей Александрович, и есть главная хитрость локалки. Хрен его знает.

– Е-мое...

– Разбирать придется, бронелисты снимать, потом заново клепать.

И он широко улыбнулся. Мол, мы нашли, а вы тут дальше думайте.

– Короче, нужно эвакуационный ствол осматривать, – буркнул Гоблин.

Это называется, приплыли.

Не дам я теперь Дугину отпуск, вот что я вам скажу, ребята. Не получается, Жень, извини, родной. Опять не получается. Теперь вот это чудо извлекать нужно, зима на носу.

Что-то тоже сердце защемило.

Сволочь ты, Сотников.

Глава 2

Партхозактив на тему

Сергей Демченко, позывной «Демон», командир сталкеров и агент КГБ в данном случае
Огромный проекционный экран потух.

Не успел Федя Потапов формально завершить коллективный рассказ о путешествии по Дальним Странам, как тут же прозвучал первый вопрос с мест. И задала его высокая, чуть полноватая деваха из Белой Церкви, глаза воловьи, сама – чисто кровь с молоком, голос низкий, бархатистый, возбуждающий. Их в поселке хватает таких... соблазнительных.

– Скажите, дорогой товарищ Федор, – вот так, по-пролетарски, по-революционному обратилась к главному действующему лицу этой лекции деревенская принцесса, – а как в тех странах, где вы побывали, обстоят дела с сексуальными отношениями? Меня Катерина зовут, если что, Катенька...

И спокойно села на загодя принесенную подушечку. С ручной вышивкой, между прочим: выпендриваются девушки.

По залу прокатился предвкушающий ветерок атмосферы первых минут концертов Задорнова, когда публика уже готова, но еще не прониклась. Сотников крикнул. Все стали оборачиваться на спросившую.

– В смысле? – ожидаемо глупо спросил Федя.

Катенька лучезарно улыбалась, в карих глазах горело обещание незабываемого. Слушатели оживились. Расположившаяся рядом с Потаповым швейцарка Ленни Кальми-Ре, внимательно выслушав перевод, хитро посмотрела на друга, потом быстро перевела взгляд на шестой ряд.

– Вы имеете в виду публичные дома? – попытался уточнить лектор.

Неправильно зашел парень.

Их там целый выводок невест.

И уселись они рядом, все в белых платьях, у кого косы с руку толщиной, у кого хвосты распущены. И банты.

– Что вы, миленький, нас это не интересует, может, мужчинки какие потом спросят. – Дождавшись окончания гыгыканья, Катенька продолжила: – Есть ли какие-то особенности секса в разных странах?

Вот ведь стерва деревенская! Сейчас он влипнет. Он и влип: отвык Спасатель от России, расслабился там, в Иноземье.

– Знаете, я не заметил, – брякнул Федя.

Зал развеселился окончательно. Ленни, чуть откинувшись назад, уже совсем другими глазами посмотрела на Потапова.

– Так! – Лагутина, модератор процесса, решительно хлопнула ладошкой по столу. – Давайте еще вопросы! Можно на другую тему.

Не, Лена, так просто их теперь не остановишь, понеслась.

Соседка Катерины, имени сразу не вспомню, тоже вскочила, сменив уже достаточно засветившуюся подругу.

– А чего это на другую-то?! Нас, может, это больше всего интересует, не старухи, чай! Может, мы сравнить хотим! Вот у меня тоже вопрос есть – к товарищу индусу.

Джай Бодсингх, сидевший с самого края и меньше всего ожидавший, что его кто-то потревожит, заметно напрягся. Однако делать нечего, индус встал, старательно улыбаясь залу. Похоже, мужик в первый раз на сцене стоит. Да еще на такой.

– Вот скажите, товарищ... Джай? Джай! В Нью-Дели камасутру преподают? Курсы какие, кружки. И сколько это стоит, кто экзамен принимает. Кратенько так...

– Люд-ми-ла! – Лагутина начала злиться.

Ее поддержали.

Пищеблок тоже тут – женщины из столовой сидят своим крепким кланом, большинство в белых халатах и колпаках, эти прямо с кухни и прибежали. Поварихи грозно вылупились на Белоцерковских Дев, глядя на развратниц с ревностью и праведным негодованием. Отец Сергей, в миру Николай Карлов, вообще отвернулся к стене, очевидно краснея за своих прихожанок.

Вопрос быстро перевели – молодую толмачиху лекторам выделили из Управобраза, – и тут уже Джай начал краснеть. Во всяком случае, цвет лица изменился.

– Уважаемая леди, я о такой практике не слышал... В наше время не стоит считать камасутру каким-то неотъемлемым атрибутом индийской культуры, это лишь приватная сторона жизни. Но я вас понял... Наверное, специалисты остались. Однако прошу помнить, уважаемая леди, что Ватсьяяна в своем великом труде говорил не об обыденном сексе, как таковом, а о непреложном комплексе общественных обычаев, касающихся взаимоотношений мужчины и женщины.

Смотри-ка, молодец индус, нашелся в обстановке. А излагает-то как! Непрост. Точно, есть у него спецподготовка. И уровень образования соответствующий имеется... Нужно присматриваться. Но сел он торопливо, дальше светиться не хочет.

– А вы сам не специалист ли, часом? – еще более понизив голос, как-то по-кошачьи, мягонько промурлыкали Людка.

– Специалист, специалист, не волнуйся! – со своего места громко крикнула Эльвира Иннокентьевна, весьма эффектная записищеблоком. – Мы уже тут проверили! Так что не надейтесь, к вам в Белую Церковь не отпустим!

Людмила чувственно выдохнула скептическое «ой-ой...».

– Закормите мужика своими дебелими булками, так быстро станет не специалист, – ничуть не смутившись, парировала возмутительница спокойствия. – Скажите, товарищ Джай, а вы в футбол играете?

– Кстати, да! – крикнул Кастет.

У Кости в голове свое гуляет – комплектация команд, графики чемпионатов, тренировки и распределение полей. Уже прикидывает, когда проверить и где использовать новые спортивные кадры.

– Охотно играю, когда есть такая возможность, – реально приторчав от резкой смены тематики вопросов, ответил индус.

Деревенские девки хохотнули, кто-то из них хлопнул в ладоши.

– Значит, приедете к нам, – резюмировала Людка и, обратившись к пищеблоку, вбила гвоздик по шляпку: – Приедет он, «булочки» вы наши сдобные, приедет...

Конечно, приедет, стадион-то в Церкви основной.

Эти невесты уже всех холостых мужиков анклава оглядели во всех ракурсах, видах и формах одежды. Сядут, бывало, на западной трибуне в коротких юбочках, ножку на ножку и ну тереть о статях и мастях, да еще вслух и громко. Гоблин из-за них в футбол играть не может, возбуждается чрезмерно, может зашибить игрока. После каждого знакового матча в Белой Церкви устраиваются танцы, на которые из поселков приезжают даже те дамы, которым футбол неинтересен априори. Тут уж деревенские ведьмы дают всем перца! А вот по делу не дают, только замуж – сказывается все-таки работа отца Сергея... А вы спрашиваете, чего Гоблин заводится.

– Все, хватит о сексе, как бы это ни было интересно, идем дальше! Еще вопросы! – скомандовала модератор.

Люди зашептались, с разных концов зала вверх потянулись руки.

– Разрешите мне, Елена Михайловна! – С дальнего ряда солидно поднялся Кабанов Павел Матвеевич, старший мастер Промзоны, здоровый коренастый мужчина под пятьдесят.

Который день мастер тут работает. Женя Дугин катапультировал его в Замок по производственной необходимости. Кабанов персонально ответственен за извлечение из недр доставшегося нам броневика БТР-40, спецзадание Ставки. Сегодня утром он докладывал о промежуточных итогах главному механику, который находится на постельном режиме, но постоянно толчется в Замке: большую часть агрегатов тоже скинули, все вынули временным лифтовым подъемником, установленным в шахте.

Проблема с несущим броневым кузовом – резать и заново варить его технари не хотят: долгая и муторная возня, – а в лифтовый ствол он запросто не зайдет, хоть база машины и укорочена по сравнению с ГАЗ-40. Сейчас вымеряют габариты бронеконуса и проем шахты подземелья, намерены расширять проход по необходимости. И еще черт его знает, получится вытянуть или нет.

– Прошу вас, Павел Матвеевич, задавайте. – Лагутина облегченно вздохнула, подтягивая поближе классический «докладческий» графин с водой, ребристый такой.

Кашлянув в огромный кулак, Кабанов начал:

– Гх-м... Я опять о сексе.

Тут уже все заржали в голос, и Гоблин громче всех. Сомов пришел недавно и встал в стороне, прислонившись к прохладной стене церкви, где в промежутках между окнами были развешаны картины-произведения местных авторов и репродукции великих старых. А внизу, в подземном вестибюле перед входом в подвал библиотеки Замка, куда из церковного зала ведут две дугообразные лестницы, размещена экспозиция путевых рисунков мадам Кальми-Ре в наскоро сделанных черных паспорту. Ленни оказалась достаточно сильным граффиком, рисунки у нее классные.

– Да я ж не в том смысле, черти!

– Ага... Да какие такие тут могут быть смыслы, Пашенька! – громко вздохнула Зинаида Тимофеевна, наш главный агроном. – Тут мысли и дела. Реальные.

Привстав и нахмурившись, Ленка Лагутина махнула на нее рукой.

– Ну, так вопрос мой! – повысил голос Кабанов. – Как там, в заграницах, с женитьбой разных кровей дело обстоит, скажите, будьте любезны. Не запрещают власти? Может, к примеру, простой рабочий парень из Манилы взять в жены австриячку там, итальянку или швейцарку из этого, Базеля?

Он смотрел на Федю, но тот был занят – Потапов до сих пор тихо, но жарко объяснялся с Ленни: ту явно очень интересовало, где это и когда он успел познать национальные сексуальные различия.

Поэтому модератор побеспокоила шкипера мотобота «Клевер».

Ули Маурер был явно готов поговорить – характер у капитана весьма компанейский, как мы успели заметить, не из молчунов мужик.

– В Базеле, например, такое вполне возможно, а как в Маниле, не знаю, – сказал Маурер, легким движением руки поправив модный галстук. – Но вот... даже законной жене гражданство в Швейцарии сразу не дадут, будут долго смотреть, назначат контрольный срок, потом следуют экзамены на знание языков, порядков и положений. Гражданам Берна жениться на гражданке Базеля просто так не получится, в Замке есть ограничения, в частности касающиеся всех азиатов и африканцев. Наверное, в Маниле вопрос межнациональной женитьбы решается гораздо проще. В Шанхае никаких нормативных ограничений нет, но требуется непременно одобрение старейшины монокластера. Дело в том, что в этом анклавном есть своя специфика внутреннего устройства. Например, проще взять в жены женщину пришедшую, чем из соседнего монокластера...

– Ага, все понятно, – довольно кивнул Кабанов. – А как насчет пенсий? Пенсии по старости есть?

Шкипер немного подумал:

– К сожалению, господа, я могу сообщить только о практике в швейцарском анклав. Пенсия там назначается всем гражданам – женщинам в шестьдесят пять лет, мужчинам в шестьдесят семь, – пока пенсионеров немного. И размер пенсий разный: в Берне он гораздо больше.

– А в Дели? – крикнули издалека.

Индус отрицательно качнул головой и развел руки в стороны – типа фигу, не рассчитывайте. Зал недовольно загудел.

Между тем нашу молодежь все эти темы не грели – хрен ли им эта пенсия, как и женитьба, впрочем. Шустрый поджарый пацан, сынуля Скленаджа, вскочил с вытянутой рукой и, не дожидаясь разрешения, крикнул:

– У нас вопрос к Ленни! Есть в Базеле ячейка настоящих хиппи новой волны? И это... Я когда-то был в Швейцарии, в той, Старой. Ну, мы с чуваками пару раз повисали в «ZIC ZAC», это же у вас молодежное кафе?

Ленни подтвердила.

– Вы не могли бы рассказать подробнее об особенностях современных молодежных культур Швейцарии? Шанхайские тоже интересуют.

Парень практически спас Федю от дальнейших объяснений перед подругой, потому что на такой вопрос Ленни отвлеклась охотно. Достаточно быстро они забились об отдельной встрече с молодежью анклава, завтра, на полянке за «Гаваной».

Минута шла за минутой, и публика наконец-то раскачалась, вопросы посыпались один за другим.

– Много ли медведей шатается в окрестностях Шанхая? И каких они пород, если вы знаете?

– Меню ресторанов и кафе в анклавах лучше наших? Вы ведь уже успели побывать в «Гаване» и «Двух стрелах»?

– Во всех ли анклавах есть полиция? Они там как, культурные или сразу рога гнут? А тюрьмы имеются?

– Цыгане на Ганге любят гитарную музыку? Это вот к молодому человеку вопрос, Саджалу Чандра Дас, я на бумажку записала. А меня зовут Вика, между прочим. Каково есть и будет отношение к русским? Я в смысле, когда мы там появимся, ну, мирно, конечно...

– А сколько в среднем может стоять лошадь в Дели? Как вы думаете, они нашими деньгами возьмут?

– Правда ли, что вы гигантского кальмара видели недалеко от Волги?

– А бронетехника у швейцарцев имеется? Типа танков.

– Уважаемый Бодсингх, вы не собираетесь открывать здесь школу боевых искусств?

– Я извиняюсь от всего сердца, конечно, но Израиль таки есть на карте этой планеты или я еще не вовремя волнуюсь?

– Вы не встречали людоедов? Че вы там ржете, придурки, это же Азия, вот я и спрашиваю!

– А какие мистические и загадочные истории вы слышали во время своего путешествия? Может, и сами видели нечто таинственное в пути... Я в эзотерическом смысле. Только честно!

– У меня дополнение к предыдущему вопросу... А почему вы не сфотографировали Плохую Пагоду? Неужели испугались?

– У двух из вас весьма интересные татуировки. Что они обозначают? Какие-то духовные символики?

Лагутина посмотрела на Сотникова, глазами показав на часы.

Командор махнул рукой: пусть, мол, люди спрашивают об интересующем, пока лекторы не устанут. Ведь что есть такая лекция-отчет для населения анклав? Давно потерянное: передачи «Их нравы», «Международная панорама», «Непутевые заметки», телеканалы Discovery и NG, вместе взятые.

Окно в мир, как его закрыть... Рука у шефа не поднимется.

Пока с этими окнами у нас все нормально.

Начало сентября в анклав – как выяснилось, время шумных презентаций, везет анклаву на них в последнее время, прямо праздник души у народа: такое познавательное шоу лучше многих зрелищ. Буквально через неделю после того, как мы открыли Южный Форт, а Командор после профильного совещания принял решение об освоении новой площадки, в том числе и в рекреационной сфере – с пляжами и пальмами, – в Замок приехали египтяне. Сам Мухаммад Нафаль пожаловал со свитой, премьер-министр каирский.

До сих пор в моей голове шевелится червячок подозрения: вот что это было – утечка информации или же просто совпадение? Только мы, значит, решили сваять что-то типа санатория на морском берегу, уже и первые люди в Южном Форте поселились, как тут же, словно черт из табакерки, возникает ушлый Нафаль с заманчивым египетским предложением, от которого весьма сложно отказаться. Они ведь подсустились, заранее прислали радиogramму, предупредили, попросили обеспечить публику для проведения презентации. По-моему, тогда только Сотников и заподозрил правду.

Египтяне открывают курорт – для нас! Ни много ни мало.

– Я так и думал, что к чему-то подобному они рано или поздно придут, – заметил Командор, прочитав «телегу». – Это вам не саудиты, война и религиозные интриги – это дело не египетское. У них накоплен многолетний опыт, профессиональные кадры и понимание всех мыслимых выгод. Не удивлюсь, если каирцы еще и пирамиды построят, ну, чуть поменьше. А уж свой Лас-Вегас... Кстати, а не отдать ли тему южного санатория им на откуп? Кусок земли в аренду. Точно сделают, качественно и быстро. А там и франков соблазнят. Настоящее влияние не войной достигается.

Презентация у египетской делегации была шикарная, с отличным видовым фильмом, рассказами и красочными слайдами, все по самому высшему разряду, даже картонный макет территории привезли с собой.

И как народу реагировать на столь завлекательно-ностальгическое предложение?

Называется: «Вспомнить все!» В Египет на отдых задешево! Первый корпус на двадцать мест уже готов, остальные строятся. Ультра-оллинклюзив, питание от пуза знакомым «шармовским» восточным да европейским. Микроклимат места, длинные янтарные песочные пляжи на берегу гигантского озера с чистой теплой водой, в которой нет свирепых акул и мурен, гидроциклы – в ролике показали мощный агрегат в двести пятнадцать лошадиных сил, до сотни разгоняется за четыре секунды, при неосторожном управлении запросто можно катапультироваться, и «бананы». Охраняемая территория и безупречный сервис, аниматоры-хренаторы и далее по списку...

Народ сразу залип на тему, аляпистые буклеты расхватывали влет. Чем не мечта – взять недельку-другую отпуска и кайфово отдохнуть за границей. Решили отправить в Каир пробную партию-депутацию: пусть фактически проверяют да посмотрят. В состав первой партии испытателей вписаться было практически невозможно.

Не успели остыть от египтян – нате, «Клевер» приплыл!

Это было... ну как возвращение Колумба, что ли.

Люди мир повидали – часто ли появляются такие источники информации? Народу в бывшей церкви, а ныне Клубе, набилось битком, свободных мест почти нет, за исключением самых дальних, многие еще и в боковых проходах стоят, поближе к сцене.

Постепенно вопросы становились серьезней, интересней. На какие-то путешественники отвечали достаточно быстро – время для подготовки к лекции у них было, – на каких-то задерживались особо.

Модератор к середине мероприятия набрала опыт, в диалоги вмешивалась уже редко, но пару откровенно тупых вопросов безжалостно и своевременно отсекала. Это Лене Лагутиной еще пригодится: ей вместе с группой лекторов в Берлин ехать, типа на гастроли. Новенькие все понимают правильно. Они вообще нормальные ребята, если не считать за фактор влияния на такую оценку мою здоровую подозрительность и профессионально настороженную внимательность шерифа.

Ведь как получилось – только их встретили с помпой, как тут же объявили: пардон, ребята, праздничная лафа кастрирована, у нас существует всеобщее правило карантина. Они и не подумали сопротивляться или возмущаться. Потапов лишь спросил, какие есть варианты размещения личного состава.

Сотников ответил так:

– Можете оставаться на своем судне, если вам это предпочтительней. Но мы предлагаем вариант комфортного размещения экспедиции в настоящем мини-санатории, со всеми удобствами.

Они даже советоваться не стали, кивнули почти синхронно, я как раз рядом стоял, оттеснял Гоблина – встретили, и хватит... И в карантине «клеверцы» вели себя без понтов и скандалов, послушно сдавали бесчисленные анализы, прививались, ловили рыбу, играли в волейбол и просто отсыпались в человеческих условиях.

Вообще народ в группе крепкий, сплоченный. И весьма приметный.

Потапов – белобрысый, немного курносый здоровяк этакого обманчиво-простоватого деревенского вида (очень опасное заблуждение, которое Федя, не сомневаюсь, не раз умело использовал), если не считать не особо сильный, но стойкий загар – тот еще волчара.

Даже после первых же знакомств с деталями я сделал вывод, что мужчина он чрезвычайно опасный, если во врагах окажется. Такой, знаете, белый индеец, дитя глухой тайги и бескрайней тундры. Ему можно сразу группу сталкеров вручать – и все пучком покатит. Мы встречались с ними тесным коллективом сталкеров. Поболтали, послушали, знаниями поделились, а вот опытом – еще только предстоит. Винца попили, как водится, да и покрепче имелось. Нас тоже угостили диковинными спиртными напитками азиатского генезиса – ниче так, понравилось.

Экзотики действительно хочется... Всем. Без исключения.

И Сотникову хочется. Поэтому лично я не сомневаюсь: Пакистанку мы раскупоривать будем. Будем выходить на Дели и Шанхай – неспроста Кабанов торопится. Мне после этой лекции Шанхай точно приснится, заранее знаю. Экономика, стратегия... Но есть и еще один компонент, необходимый для рождения здоровой пассионарности, – романтика нового, жажда открытий. Мне ли не знать! Вы что, думаете, мы тут за бабки сталкерим в поту? Хоть и не обижают с этим. Если нет романтики в коллективной душе, получается деревенский Нотр-Дам. Так и считаю, просто уверен в этом. И спорить с диванными теоретиками не буду – только с такими же, как я. Или вот... Федя.

Совместно пострелять успели, кстати, да... Ни Монгол, ни Костя сравниться с Федором на винтовке не могут, чего об остальных говорить, я и не полез соревноваться.

Короче, в Спасатели таковых и берут, просто удивительно, как англичанин умудрился так бездарно загнаться на старте, – наверное, просто сработал дикий случай, хотя у Феди есть какая-то своя версия. Чувствую, с ним нам работать и работать – и взаимно поучиться есть чему, и просто пообтереться в деле и досуге. И вообще с правильными понятиями ребята. Ладно, невообразимый ранее мобильный терминал, такой крепкий головняк держать в личном пользовании – что сулему в стакане на прикроватной тумбочке... Ладно, мини-

глобус отдали ученым на сканирование, это тоже понятно. Так ведь еще и два серьезных «зодиака» с моторами сразу передали анклав, а ведь могли бы и продать кому-нибудь, желающие найдутся, – хорошо бы бабла подняли! Но сделали они, если честно, правильно, такое всегда откликается.

Сотников и откликнулся. Потапова с подружкой сразу поселили в новом посадском четырехквартирнике, шкиперу и Сандже дали по отдельной комнате в Замке, хотя Маурер практически собирается жить на судне, с борта не выгонишь. А вот Джай – в гостинице, он гражданство принимать точно не планирует, ему еще к своим ехать предстоит, с итогами переговоров.

Подруга у Феди – дикая кошка.

Я, как увидел у Кальми-Ре американский пистолет-пулемет «томпсон» в руках, так и обалдел. Девочка-припевочка, чисто бомба. Набор экстремальных увлечений, реальный боевой опыт. Обстрелянная особа, парочка получилась что надо, только позавидовать можно, причем белой завистью. И, замечу, совершенно самостоятельная, резкая, имеет свой скоростной катер с добрым мотором, умелая рыбачка... Правда, по ней у меня пока остаются неясности. Укус биографию Кальми-Ре проверил документально, однако ничего подозрительного не накопал. А вот мне кажется, что мы что-то упускаем: уж больно необычный человек эта Ленни. Будем дальше смотреть.

По Джаю вопросов не просто много – просто немерено. Но задавать их бесполезно, я пробовал: никому индус специального назначения не ответит – ведь практически очевидно, что Бодсингх родом из старой RAW, внешней разведки Индии. И вряд ли в этом мире он перекрасился, такие не облезают. А вот что он практикует в Шанхае... Боевик-профессионал и внешний политик в одном флаконе. Кстати, и индус и Федя формально как бы гуркхи, оба приняты в общину, одинаковые татуировки почти во всю руку. Живорезы, че там.

– Товарищи! – Лагутина громко постучала блестящей шариковой ручкой по графину. – Давайте для разнообразия зададим нашим лекторам вопрос полегче!

– А он у нас готов! – весело прокричала Катерина.

Все затихли в ожидании.

– Давай, Катя, чего теперь, – обреченно махнула Елена.

Хищно ухмыльнувшись, Катерина спросила:

– Раз старший экспедиции уважаемый товарищ Федор пока занят, как мы поняли, то разрешите поинтересоваться, капитан Маурер женат или неограничен в выборе, как свободный европейский человек?

Нет, девок наших, конечно, можно понять.

Маурер ведь кто в их глазах? Это вам не работник огорода и не сумрачный бородач-охотник с Кордона. Он – капитан своего корабля: не катеришки малого, а настоящего морского судна, романтичный иностранец, морской волк и, кроме того, видный мужчина. «Альфа», как его Федор называет, Бог Реки и Покоритель Океана.

Но здесь они явно просчитались: салютным залпом взвился весь пищеблок. Женщины в белом встали стеной, как воины Александра Невского перед германским клином.

И дело здесь вот в чем.

Как уже говорил, я присутствовал при помпезной встрече на берегу и все видел лично. Мало того, еще и на камеру снимал – и фото и видео. Как и положено, при встрече гостям поднесли хлеб-соль на медном подносе. Еще горячий каравай несла автор шедевра, пекарь-кондитер номер один этого мира, сама Нионила Дмитриевна Кужель. Мало кто в анклав знает ее имя-отчество, так уж вышло, но конечно же абсолютно все слышали имя «основное» – Пavidла. Хорошо, что сейчас ее тут нет: на дежурстве.

Так как Федя со своим внешним видом полевого боевика на роль начальника международной экспедиции никак не тянул, то Пavidла логично поискала взглядом достойного

– и тут увидела шкипера. В отутюженном кителе и шикарной фуражке – как в кино, чисто капитан Грей. Естественно, она сделала выбор и шагнула к нему.

А он к ней.

И вот когда оба подняли друг на друга глаза, то словно оцепенели. Алые паруса наполнились бризом.

Вы видели когда-нибудь любовь с первого взгляда?

Я теперь смело могу сказать – видел. В сентябре второго года на планете-платформе Земля-5, Русский Союз, Замок Россия, причал реки Волги.

Обоим за сорок, правда, шкипер на четыре года старше Нионилы, как позже выяснилось, оба одиноки, необычны, самостоятельны и... несомненные спецы, каждый в своем деле. Муарер – статный да шикарный, Нионила наша – маленькая и дробненькая, живая и пышная, но талия с попкой что надо. Швейцарец и русская. Увидели мужчина с женщиной друг друга – и влюбились, ровно за одну секунду. Казалось бы, чего там, литературная банальщина...

Только хрен всем, никакая это не банальщина. Они же как прикипели к камню!

Поначалу никто из присутствующих ничего не понял, а тут ведь нужно хлеб щипать, в соль макать, ну и так далее по регламенту... Первой в происходящее воткнулась прорубная Мила Гонга, бывшая коллега Нионилы и ее верная подруга. С трудом выдрал из рук Павидлы щедро украшенный чеканкой поднос местного производства, она сама пошла по гостям, характерно по-еврейски предлагая им отведать русского подношения.

Федя посмотрел и что-то сказал другу по-немецки, а мне Коломийцев перевел:

– Помнишь, Ули, что я тебе говорил о русских женщинах? Вот оно и сбылось.

Альфа мутно посмотрел на друга:

– Вижу, Тео, вижу...

И тут же опять отвернулся к своей красе, разразившись тихой речью на родном языке. Павидла, распахнув глаза, радостно кивала, будто понимая все до последнего слова. А может, и понимала – у влюбленных свой язык, иным недоступный. Потом они взялись за руки, как дети, и отпустить друг друга уже не смогли. На стене замка им восторженно улюлюкали, кто-то бросил цветы – ничего и никого влюбленные не замечали.

В общем, они так и стояли на причале все время, пока все решения не были приняты и «Клеверу» не настало время отправляться в устье Листвянки.

Любовь у них случилась взрывная, атомная.

Павидла ревмя ревела, когда ее в карантин к разлюбезному не пустили, а Маурер чуть вековую сосну на Кордоне не сломал пинками, как нам потом Потапов рассказывал...

Короче, неправильно Катенька выбрала вопрос. Не по теме.

Пищевлок синхронно сделал шаг вперед, со скрипом зашаталась ряды дубовых церковных кресел, старинная постройка замерла в страхе ожидания катастрофы... В этот момент солнце зашло за тучи, узкие и высокие окна собора резко потемнели, мне показалось, что в них зловеще сверкнули молнии. Я заметил, как Мишка Сомов одним прыжком отлепился от стены и подлетел поближе, чтобы успеть вовремя растащить войска. Прикинув, что под напором фаланги стулья вот-вот повалятся, он запрыгнул между группировками, вытянулся во весь рост, расставил ручищи и заорал:

– Отставить!!! Девоньки, зачем вам шкипер, я один всех обслужу!

Мужики бы испугались, увидев перед собой живого йети.

Разъяренные поварихи, решившие умереть за подругу, – нет.

Но тут в бой вступила новая фигура – индийский боевой слон Сотников. Он даже не кричал особо, просто голос Командора давно наделен неким командным всеподчиняющим свойством. Он мало и редко говорит на публике, но каждое его слово стоит многого. Это и есть репутация.

– Внимание! Всем в зале сесть! Коллеги... ну что вы, в самом деле. Возвращаемся к продуктивной и столь интересной работе форума. Лагутина, продолжайте, пожалуйста...

И на этом все. А тут еще слово «форум».

Страсти стихли так же быстро, как и начались, работа продолжилась.

– У меня вопрос к швейцарцам. Как вы можете объяснить наличие концлагеря на территории анклава?

Хороший вопрос. Только вот сами швейцарцы лишь растерянно посмотрели друг на друга – похоже, они сами не понимали, как такое вообще могло случиться. Стыдятся.

– Можно я отвечу? – Федор привстал, выручая друзей. – Просто мне, как это бывает, со стороны заметней некоторые детали.

Лагутина кивнула.

– Мне кажется, что это порождение нескольких факторов, и прежде всего – изначально- ной кастовости построения анклава. Похоже, король Берна Артур Эшлиманн, как и канцлер, в прошлой жизни были сильно напуганы итогами европейской политики мультикультурно- сти. Ну и роль личности в истории сказалась, хотя тут точнее сказать не могу: правящая верхушка Берна старательно дистанцируется от населения анклава, их практически никто не видит... На территории у них опора невелика – буржуа Базеля и Давоса. Их очень немного. А вот сами жители Базеля, все, с кем я встречался, общался и о которых слышал, – люди рассудительные, спокойные, придерживаются совершенно либеральных взглядов и в сто- рону фашизма не склоняются ни на миллиметр. То есть сам Базель подобного никогда бы не допустил. Да ведь и в Берне такое положение дел не по нраву многим, Ули Мауреру, напри- мер. – Потапов кивнул на шкипера. – Он и ушел... Проблема в том, что все вооруженные силы созданы и подчинены Берну, и только ему. Правда, и там все непросто. Королевскую семью охраняют так называемые «тигры», особое подразделение. Так вот: и гвардейцы и гренадеры, отлично лада между собой, «тигров» не уважают, называя их «Плюшевым Леги- оном» и королевскими шутами. Но снаряжение у спецхраны самое лучшее. Про подготовку ничего сказать не могу – думаю, она соответствующая. Базель же – обыкновенный мирный город, очень спокойный и тихий, преступности практически нет, чужаков встречают хорошо. Меня вот, к примеру.

– Так вы считаете, что возможна революция?

– Или заговор с покушением! – криком дополнил кто-то.

Потапов замялся:

– Революция? О как сразу... Нет, я так не считаю. Ведь в швейцарском анклавe живут очень рациональные люди, отлично понимающие, что никаких шансов у восстания нет. Видели бы вы высоту стен Замка Берн... Для заговора нет ядра, служба безопасности, во главе которой до поры стоял тот самый Отто Бахманн, постоянно мониторит настроение сообщества.

– А если базельцы захотят привлечь на помощь команчей, как вы их назвали? – крик- нули с задних рядов.

– Нужно очень плохо знать новых и старых европейцев, чтобы предположить такое, – хмыкнул Федя, наполняя стакан из графина. – Цивилизационные уровни страт настолько разные... Ведь бывшая мультикультурность в свое время достала и базельцев. Другое дело, что они легко способны выработать и принять меры необходимой достаточности в нацио- нальном вопросе.

– И как же тогда вся эта мутная ситуация разрешится? – раздался вопрос из сектора ремонтников.

– Бог его знает, у меня нет точного ответа, – признался Потапов. – Может быть, все решит время, и со смертью лидеров правящей верхушки что-то достаточно быстро изме-

нится, – а там во власти действительно пожилые люди. В Базеле многие понимают, что изоляционизм вреден.

Слушатели начали переговариваться, обсуждая услышанное.

– Это и нам знакомо, – обернулся к товарищам спрашивающий, пожилой и политически подкованный ремонтник с Медовой. – Есть у нас такие... соседushки, французы называются. Тоже заперлись, шороха боятся, деревня деревней. А вот как вы думаете, стоит ли нам вмешиваться?

– Не в моей компетенции, – решительно отрезал Федя.

Опять пошли вопросы, самые разные. Люди словно боялись, что вот-вот – и все, интересную лекцию разгонят. Правильно культурники решили – полезное мероприятие затеяли, такое стоило проводить. Несомненно – приобщение к знаниям, чувство сопричастности, видение цельной картины окружающего мира спланирует такой большой и сложный коллектив, позволяет почувствовать себя не винтиками сыромятными, а гражданами.

Вопросов по мобильному терминалу Спасателю не задавали. Тема пока закрытая, в вопрос посвящен лишь узкий круг лиц, которые пока договорились помалкивать. С этим чертовым мобильным терминалом поначалу вообще не знали что делать, даже хотели на судне оставить – так шкипер заупряился. Вдруг что-то с мотоботом случится? Угонят, сгорит, утонет...

Сотников зарядил совещание. Достаточно быстро мы осознали, что тупо поставить дополнительный мини-терминал на «работу» есть дело недальновидное: на целый год привяжешься к месту, там условия установки жесткие. И уж никак не стратегическое – всем понятно, что бесконечная халявная «внешняя обжираловка» – тупиковый путь, самообман. Идеи интересные появились, но вопрос нужно готовить, потому шайтан-машину до поры закатали на склад.

Зато все остальные вопросы и уточнения сыпались как из ведра:

– Кто из членов экспедиции намерен принять российское гражданство?

– Разрешите нам пока не отвечать: это серьезное решение.

– А как будет выглядеть теперь ваша миссия Спасателя?

– Может быть, я теперь захочу спасти души... Открою свою миссию, – отшутился Федя. – Построю церковь.

На этот раз отбрехаться ему не удалось.

– Про берлинскую историю мы уже слышали. И все-таки.

Конечно, слышали. Уже все в курсе.

Что-то скрыть в анклав очень трудно. Особенно если вопрос витает долго. Поэтому функцию Спасателя раскрыли сразу же: все знают, кто есть Федя с точки зрения Смотрящих. Про Спасателей уже месяцы легенды ходят, мамы детям сказки на ночь рассказывают про добрых дяденек с маузерами...

Потапова на эксперимент Сотников повез на следующий день после окончания карантина.

Дело государственное, сразу две такие фигуры едут, поэтому колонна на трассе выстроилась адская.

Сначала Благова пролетела по маршруту.

Потом пошел квадроцикл патруля – укатил за двадцать минут до старта основной колонны, постоянно на радиосвязи. Первым в строю катил армейский УАЗ, в головном дозоре. За ним – «бронехуанка», обшитая легкой броней, вся в пятнах камуфляжа, там ехал Командор. Потом наш пикап, в оборудованном для пассажиров коротком кузове – Кастет с пулеметом. Брони на «тойоте» нет, нам это ни к чему, поэтому бедный Федя парился в тяжелом бронезилете. Замыкала колонну «шишига» с ДШК в кузове.

Глядя на такую процессию, вряд ли кто-то захотел бы напасть.

Доехали, естественно, спокойно.

Так вот: не крикнуло. Это был цирк, когда Потапова подвели к берлинскому донжону: как по минному полю к ставке Гитлера. Но терминал на появление Спасателя никак не отреагировал, чему Сотников ничуть не удивился. Он и раньше отрицал возможность функционирования второго терминала.

– После того как германцы влились в анклав, сам аварийный селективный кластер перестал существовать как данность. Нет такого больше, вычеркнут из реестра. Значит, немцы выведены из поля деятельности института Спасателей.

Перед этим на Федю и основной канал не отреагировал – а чего там реагировать, все нормально идет. Вообще-то никто из участников эксперимента не переживал: стратегия развития Союза давно принята, нам нужно расширять не Канал внешней поставки, а ассортимент выпускаемой самостоятельно продукции, – именно в эту сторону нацелен вектор развития Союза. Но мальчишеское «а вдруг» и «давай еще чуть-чуть» неотменимо, да и макиавеллиевская отговорка у Командора всегда есть: стратегия – на самостоятельность, а вот тактика... тактика может быть разной, в том числе и попрошайнической, если требуется оперативно.

В общем, не крикнуло, берлинский Канал статуса не поменял, так и остался лишь запасным. А планы у служб имелись! Агрономы, например...

От дальнейших размышлений меня отвлек Сотников.

– Как тебе вопросы? – спросил он тихо.

Прозевав пару последних, я не сразу нашелся, как ответить.

– Дурацких слишком много.

– Они не дурацкие, Сергей. Людям смертельно надоедает обыденно-материальное, они подсознательно понимают, что если сидеть в банке, пусть даже уютной, то плесенью порастешь, как франки. Вот и стряхивают ее с себя, спрашивают о том, о чем в другой ситуации и не подумаешь.

– Нужно расширять спектр доступных поездок. А это топливо и моторесурс.

– Правильно мыслишь. Потому и будем запускать второй НПЗ. Секунду... вызывают. У него тихим щелчком включилась рация.

Александрович поправил гарнитуру, отвернулся от меня и чуть согнулся, о чем-то тихо говоря с неизвестным абонентом.

А я услышал следующий вопрос, заданный путешественникам:

– Какой из тех анклавов, где вы были, развивается наиболее успешно? – поинтересовался Данила Хвостов, наш технический интеллигент. Его все интересует, большая политика в том числе.

– На сегодняшний день это, несомненно, Манила, – твердо заявил Потапов – сразу видно, он и до этого прикидывал. – Не боятся дальних расстояний, выходят к океану, умудряются поддерживать нейтралитет со всеми, врагов у них нет. Из столицы системно создается центр притяжения, уже очень многие племена завязаны на Манилу. А видели бы вы их рынок техники... Даже вертолет есть!

– Из ответа я понял, что вы допускаете изменение позиций в первенстве?

– Шанхай и Дели хоть и поздновато, но осознали необходимость перемен и более активной внешней политики. Это, пусть пока что в перспективе, очень сильный и продуктивный союз. Если же в дело включится Россия, то конкурентов на Ганге я не вижу. В данное время, – поправился он в конце.

Следующий вопрос прозвучал от работника Мельпомены, режиссера драматического театра Феофана Арно. Режиссер был бомонден. Мягкий фиолетовый берет на длинных волосах, такой же шарф, повязанный «московской удавкой».

– Уважаемая мадемуазель Ленни, в своем рассказе вы упоминали о домашних уличных театрах Шанхая... А в Базеле есть что-то подобное? Или в Маниле? Если вас не затруднит... Как и вообще о формах художественной самодеятельности, очень интересно было бы узнать. Спасибо!

С охотой и энтузиазмом Ленни начала рассказывать о каком-то базельском театре современного искусства, причем я заметил, с каким изумлением смотрит на подругу Федя, который, похоже, ничего подобного не слышал и тем более не видел. Понимаю: не до театров ему было, побег готовил, команчей гонял. Но рассказ подруги он дополнил:

– Знаете, интересный был случай в Маниле. Познакомились мы с бывшим кавээнщиком, он некогда в РУДН учился, в «лумумбарии», как он сам сказал. Интересный человек, привет заочный коллегам передавал...

– Простите, а как его зовут? – насторожился театрал.

Потапов поднял руку в знак паузы и посмотрел в записную книжку:

– Ага... Ванчай Мундиало, из Таиланда он. Точно.

– Ванька, елки! – на весь зал вскричал режиссер. – Ну надо же, Ванька Мандо объявился! Хор-роший парень, его сам Масляков выделял. Как он, где он?! Надо же...

– На коммерческом причале работает, в охране. Скучает по России, по КВН.

– Товарищ Сотников! – вновь заверещал Феофан, поворачиваясь к нам. – Вы слышали это! Просто необходимо организовывать сборную КВН! Такие люди... У-у-у...

Сотников, на беду, вопроса не услышал и теперь растерянно глядел на человека искусства.

– Потом расскажу, – прошептал я.

Он кивнул, посмотрел на рацию, все еще зажатую в руке, о чем-то подумал и спрятал ее наконец-то в карман. А зал тем временем бурлил. Шутка ли, человек нашел своего приятеля в другом анклав! Значит, и еще кому-то может повезти! После такого жажда дальних странствий овладеет уже не только всеми мальчишками Союза.

– Даешь международное почтовое сообщение!

Да, вот это резонанс.

– Все, товарищи, закругляемся! – окончательно решила Лагутина. – Последние два вопроса на выбор докладчика – и заканчиваем, все устали, да и ужин скоро. Прошу вас, Федор.

– Вон та девушка в пятом ряду, в синей куртке!

Обрадованная корреспондентка поднялась.

– Сережа, – вновь отвлек меня Главный.

– Ага.

– Ты когда в Берлин? Вечером или с утра?

– К ночи поедem, чтобы от греха. Я и Монгол с Костей.

– Правильно, Сереж, правильно... Дело ответственное, очень интересный момент.

– Да понимаю я.

Дело было так.

После того как мы убедились в отсутствии реакции Канала на появление Спасателя, Сотников, взяв меня с собой и оставив всех остальных у башни, направился в берлинскую операторскую. Осторожно открыли дверь. Просто поражаюсь, как он предчувствует.

Только зашли – надпись на экране:

Организационное поощрение.

Дубль-канал активизируется сроком на шесть дней.

Введите дату и время начала акции.

Введите фамилию и имя оператора дубль-канала на указанный срок.

Лист бумаги с личными данными и отпечатками пальцев предлагаемого дубль-оператора канала необходимо положить на донор-панель текущего поселения селективного кластера (анклава).

Формат дубль-канала идентичен формату основного.

Общий максимальный суммарный вес по всем группам заказываемой ежедневной доставки – 300 кг.

Сотников меня даже не стал спрашивать, просто написал фамилию.

– Верным путем идете, товарищи, так? – хитро усмехнулся он Смотрящим и мне. – Ну что, с какого числа работаем? Думаю, с двенадцатого сентября. Ты как, планы скорректируешь?

– Скорректирую, – скорбно молвил я. – Только... мне же нужно будет подготовиться, инструкции получить, что там брать, чего не брать.

– Ничего не нужно. – У Командора был свой взгляд на вопрос. – Закрепляйся, пусть Смотрящие к тебе привыкают. Никаких инструкций, Сережа, не будет... Все, что наберешь, пойдет Берлину. Вот и бери бургомистра, слушай его чаяния, но все сам решай, сам выдумывай. И заказывай на свое усмотрение. Только так, Демон, только так.

С этими словами он и нажал «ввод».

Глава 3

Тоска

Федор Потапов, изнывающий от безделья профессиональный путешественник

Куда это годится: за три недели моего пребывания на территории Русского Союза ни одного приключения. Нервная система в полной растерянности: отвык я от столь долгого уютного отдыха, нагрузки не хватает, эмоций, адреналинчика. Причем отвык не вчера – еще в далеком детстве. Не могу долго отдыхать, формально, будь я конченным космополитом, вполне мог бы тем же самым заниматься и в Базеле.

Сейчас стало немного легче – два дня загораюсь в мыслях, переваривая решения важного совещания у Сотникова, где наметилось кое-что действительно стоящее. Пусть не точно пока, пусть не жирно – тонкими линиями, но контур предстоящего уже понятен, он опознается.

А пока мы поехали в рейс.

Сталкеры, как я заметил, в таких случаях говорят «в рейд». Всем экипажем старины «Клевера» направились в бухту Южного Форта. Для себя – посмотреть место возможного базирования судна: лишняя стоянка непосадам не помешает. Ибо мы теперь есть «группа дальней разведки» – так отныне экипаж значится в кадровом реестре Союза. Федя, само собой, командир группы. Ну и просто любопытно, новое место. Много про него слышали.

Для общества – исследование удобных мест организации причалов в бухте, промер глубин, осмотр береговой линии, поиск наиболее удобного фарватера прохода к берегу, рекомендации по выбору места для постройки главного причала будущего Нового Портa, – там нас будут встречать пограничники. Есть еще одна попутная задача: заброска плановых грузов в Морской Пост и в Промзону. Скоростной дизель-электроход с большими трюмами – для этой заброски просто находка. Кроме того, Маурер всерьез хочет попробовать... страшно молвить... Рыбу он хочет половить, короче, – под эту марку выпросил у Сотникова легкий трал.

Что тут сказать – кому же еще, как не «Клеверу», на такой трудовой подвиг пойти. Сейнер у нас или не сейнер? Это я для привычной простоты называю судно мотоботом, а трудяга пригоден и для морского промыслового рыболовства, а не только для побегов с перестрелками. А это уже вопрос стратегический: есть смысл ловли в прибрежной зоне или нет.

Сначала собирались идти вчетвером.

Zicke вечно занята, гоняет на квад্রে, летает на мотодельтаплане – типа обменивается опытом с француженками. Мне это рискованное летное дело совершенно не нравится, Федя человек земной. Два раза мы с разлюбезной уже поругались; поняв, что такого числа уже достаточно, сильфида обещала завязать. Собственно, начало процесса укрощения и выражается в ее согласии пойти с нами, а не цеплять задницей верхушки сосен во время очередного старта.

А у нас боевые новости!

На судне поменяли пулемет: теперь на солидной турели ближе к корме стоит «максим» с системой принудительного водяного охлаждения. Все слажено путем: удобное сиденье «ложечкой» с кожаной подушкой на завязках, большие дугообразные бронешитки с загибами. Во время установки мы с Джаем честно пытались вмешиваться, давать ценные советы, но были, мягко говоря, грубо посланы угрюмым бригадиром оружейников. У парней тут все схвачено, чувствуется немалый опыт подобного строительства.

Так мы ж не праздно: с заботой о безопасности экипажа...

В оконцовке получилась настоящая орудийная башня – зверское дело, смотреть страшно. Обещали еще и ДШК подогнать, но на деле «крупняк» для «Клевера» пока не добыт и неизвестно, когда он появится. А забирать такой ништяк у кого-либо – лучший способ нажить врагов на всю жизнь.

Мотобот крепко изменился обликом, я бы даже сказал, похорошел и возмужал. Пакетами легкой брони мастера закрыли ходовую рубку, агрегатный отсек, борта блока кают. На ходовой рубке невзрачную соседку потеснила высокая антенна станции дальней связи – Юра Вотяков возился два дня, с долгими перерывами на уху и болтовню на отвлеченные и не очень темы. Старый радар заменили на более современную и мощную доплеровскую РЛС. Поставили ксеноновые прожектора по кругу, Full HD-телекамеры по курсу и в сторону кормы, мощный гидролокатор кругового прострела в дополнение к штатному эхолоту – как такому оснащению не порадоваться!

Маурер же рад вдвойне: весь супертюннинг достался ему совершенно бесплатно, за государственный счет, – а судно и зафрахтовано на госслужбу. И Андреевский флаг на мачте: традиция, в Русском Союзе суда такого размера просто не могут быть исключительно мирными извозчиками. Вы не ослышались, и тут все просто: экипаж уже принял решение – пять дней назад все мы подали документы на гражданство, в реале с этим тут быстро, без лишней волокиты. Но вот заброс Джаем особо уловистой блесны ввел в ступор всю иммиграционную службу анклага, как и внешнеполитические ведомства. Там они и находятся по сей день, – а ведь индус просто спросил: возможно ли принятие им двойного (в данном случае, пожалуй, даже тройного, учитывая уже имеющуюся у Бодсингха коллекцию прописок) гражданства? Думают.

По мне, почему бы и нет? Так анклав легко привлечет новые квалифицированные кадры, например востребованные сезонно или разово. Ладно, это не мой головняк, я не в офисе.

Шкипер доволен судьбой, как швейцарский банк: а как же иначе! Свое судно, куча денег, свой домик в деревне и... и жена-красавица. Я Нионилу называть какой-то там Павидлой категорически не хочу и не буду: язык не поворачивается. Да и сам приколом понимаю плохо – не было меня в суматохе первых дней Замка Россия.

А вот Мауреру второе имя нравится!

– Ты просто не понимаешь, дорогой мой Тео, сколько в нем славянской истинности, это отпечаток всего пути ваших предков, дух нации!

– В повидле?

– В замечательной ассоциации!

Удивительно, какие бездны глубинных смыслов способны порой разглядеть иностранцы в простом русском стебе.

Короче, свадьба уже назначена. Весь цвет анклага в предвкушении.

Поначалу мы хотели банально арендовать проверенную в подобных мероприятиях «Гавану» – там и зал большой, и гулятельные задворки давно и правильно обустроены, – здесь обычно и проводятся церемониальные мероприятия, в том числе и с кольцами. Но Коломийцев Владимир Викторович, легендарный капитан «Дункана» Дядя Вова, с которым у Маурера завязались прочные профессионально-питейные отношения, такое предложение категорически отверг, заявив:

– Негоже таким солидным и знаменитым людям в молодежной кафешке свадьбу отплясывать. И подраться-то негде, сразу разнимут.

И повез он шкипера в «Гамбург» – это относительно новое придорожное заведение у Медового, где хозяином стоит бывший нью-берлинец. Немецкая кухня там в полный рост: картоха с мясом на огромных плоских тарелках, толстые сочные сосиски с капустой и непременное фирменное живое пиво – пьют его прихожане огромными жбанами с крышками,

которые скромно называют словом «кружка». Ули ностальгично сомлел и в итоге тут же сделал хозяину таверны предложение, от которого ни один нормальный немец не отказывается. И сейчас колбасный пивовар с бугаистыми сыновьями спешно колотит ряды длинных массивных столов из ароматной сосновой доски, ибо все гости в зал харчевни никак не вместятся. А народу, между прочим, ожидается под две сотни. Жителям Медового будет особо удобно.

Теперь все думают о подарках: чего бы такого крутого подогнать молодоженам.

Мы с Zicke уже определились, дарим им котенка-сибирячка с бантиком – огромный дефицит, между прочим; знал бы я – так пригоршню притащил бы из Шанхая. Тут я вообще что-то плохо подумал: ведь домашняя живность в этом мире – самый потребный товар. Не бизнесмен ты, Федя.

Семейное гнездо Потаповых (а-атставить такие мысли! нет, нет, мы еще не расписались!) хранит тепло молодых сердец на втором этаже левой стены Замка – там у нас двухкомнатный дворец с камином. Отказались мы от предложенного сектора в солидном бревенчатом доме рядом с таверной «Две стрелы» – решили, что не по рангу будет, да и неудобно как-то. В анклавe полно многодетных, нам же и замковой жилплощади хватит.

Джай живет рядом, в гостинице, как и Саджал Чандра Дас, или просто Алекс. Цыганенок Сашка просто обалдел от всего увиденного – твердо решил обосноваться в России, что не мешает ему гореть желанием гордо предстать в новом статусе перед родней. Правда, он все больше на судне, не оторвать. Самообразовывается. На причале постоянно девки – приходится гонять их на косогор, где возле Камня Влюбленных, огромной плоской каменной плиты, безжалостно отринутой в сторону трактором с целью открытия жерла обнаруженной подземной шахты, местный молодняк, млея, слушает умопомрачительные гитарные рулады на тарабарском языке.

Мауреры определялись достаточно долго. Сначала поехали было в Берлин – их там встречали как космонавтов: еще бы, такого кондитера заполучить! Немцы практичны – что им лишний пароход у пристани. А вот кондитер... Ули вернулся восторженный, но селиться там не захотел.

– Долго добираться, и от моря далеко. А город хорош – на Базель похож, только маленький.

Теперь им строят избу в Кенигсберге, это в Заречье.

Кстати, был вариант устроить свадьбу в Берлине: родство культур все-таки. Есть там на Унтер-ден-Линден, которую немцы уже успели одеть в брусчатку на всем протяжении – первично только вначале лежала, – уютное кафе-клуб с названием «U-Bahn», где в огромном подвале сделали второй зал, а спуск оформили в стиле метрополитена, со знаками и объявлениями, даже граффити есть.

Посмотрел Ули на выверенный европейский интерьер, прикинул что-то про себя и горестно молвил:

– Широты не будет, масштаба... Приучил ты меня, Тео, к русскому размаху, к этой самой... razgulnosty.

Груза тащим много. Судно загрузили плохо.

В смысле, неправильно посылочки распределили, хромает логистика: предназначенное Морскому Посту имущество и припасы оказались ближе к трюмным люкам, теперь шкиперу придется сначала идти туда, разгрузаться, потом возвращаться к причалу Промзоны – и только после этакой петли заниматься основными делами. Но самая первая остановка еще ближе: у скалы Две Лошади мы высаживаем очередного отшельника в ранге егеря-лесничего – теперь он будет жить там.

Погода звенит.

В устье Сены бликует вытянутый серебристый клин – остановленная течением полноводной Волги неспешная французская водичка прорывается на оперативный простор. Место каталожное, журнальное – глубокий залив в форме буквы «З» врежется в ступенчатые высокие скалы, на небольших террасах которых высятся сосны и пихты, два бревенчатых балагана с навесами ждут очередных туристов, под козырьками стоят наготове мангалы, рядом скамейки, столики. Повыше турлагеря в кустистом распадке красуется крепкая изба с длинной трубой – вот там и будет жить смотритель участка. Антенны на крыше нет: она наверху, на высокой скале. Это переправленное сюда здание RV средних размеров – здесь их называют локалками.

Берегом в бухту не пройдешь: с обеих сторон пляжик прикрывают крутые обрывы, почти вертикально уходящие в воду, – из опыта знаю, что тут самый клев, только снасть поглубже опускай, и все получится. Говорят, от избы наверх идет извилистая узкая тропа, которая забирается в дальние ущелья, где и спрятаны лежки горных баранов, – вот бы время выбрать поохотиться... А где бараны, там и пумы могут быть, поэтому у егеря в друзьях собачка – удивительного вида молодой любопытный пес, как мне объяснил хозяин, помесь эрдельтерьера с колли. Не могу сказать, насколько такой микс эффективен в сторожевом или охотничьем аспекте, я не собачник: предпочитаю охотиться в одиночку.

Отшельника-смотрителя зовут Автандил Узарашвили – средних лет этнический грузин, вполне себе автандилистый, с толстыми волосатыми руками, тугим пузиком и свирепым лицом. Их целый клан: один в армии служит, а этот вот отчего-то захотел поотшельничать. Помогли ему сбросить RIB-моторку, выгрузили четыре бочки с топливом, пяток ящиков и десяток баулов. В основном все по мелочи: посуда, немного мебели, одежда, продукты и инструмент. Основное у него тут уже припрятано.

– Сейчас пойду генераторы откапывать – у меня их два, в разных местах зарыл, – похвастался хозяин.

Основательный человек, прямо бункерист.

– Автандил, а как насчет этой тропки горной? Визитов не опасешься?

– Кто же ее найдет? – хмыкнул егерь. – Если и найдет, то не завидую: у меня там два капкана и самострел крупного калибра на взводе.

Очень основательный, прям как я.

Коротким гудком попрощавшись с райским уголком, шкипер осторожно снял мотобот с береговой кромки, медленно разворачиваясь, пошел задом. Автандил высоко поднял над головой «спрингфильд» с оптикой, зычно крикнул:

– Благодарю, камераден! Приезжайте дня через два, обещаю карский шашлык из молодого барашка, самый лучший на всей планете, я отвечаю!

Больше всего он мне напоминает Себастьяна Перейру, самого знаменитого торговца «черным деревом».

Нормально снаряжен человек, приبلуд много, оптики. Только вот не под охотничью задачу снасти. Отчего-то мне кажется, что Автандил не столько будет егерствовать в лесах и горах, сколько тихушно кагэбэшничать по берегам рек. Место-то ключевое, мимо не пройдешь: все заметит, сразу доложит.

После наших долгих и обстоятельных рассказов у Сотникова и в радиорубке, во время и после которых мне не раз приходилось уточнять и дополнять многие эпизоды незабываемого путешествия, Командор проникся гениальностью шанхайского и манильского опыта: коллегиально принято решение постепенно заселять нижнее течение Волги.

– Мегаполисы строить не будем: это могильщики цивилизации, – так он сказал в заключение.

Заселять реку есть кем.

Шериф анклава Петр Укусников, перестав коситься на экипаж пришельцев после многочисленных проверок, как-то доверительно мне сообщил:

– Уже тринадцать отказников накопилось в анклав. Не в тюрьму же их сажать. Надо шанс дать.

А куда их? А на выселки.

Не хотят люди работать по тем или иным причинам.

И налоги соответственно не платят – зачем им это? Природа планеты такова, что тут и собирательством с охотой прожить можно, причем даже без ружья, на одних силках да примитивных капканах. Ссылаются на «сложные жизненные обстоятельства», не позволяющие им... бла-бла-бла... Постепенно такие «мудрецы» становятся противниками всего, особенно власти – это самая крепкая база, красивая, начинают внутренне и внешне протестовать: а так не работать совсем уже удобно. Протестуют? Да мало ли... Против засилья и всепроникновения власти, ее же бездействия и невмешательства одновременно, против отсутствия равных прав и в то же время особых финансовых и трибунных льгот для себя лично – против всего, что их окружает. Ни в России, ни в Берлине, ни в Заостровской таких держать не получается. В морду, конечно, накатят, особенно за Волгой, но и пряник протянут: любят у нас сырых да оскорбленных.

Отказникам по-настоящему повезло – в Берне бы таких сразу упекли за колючку, на трудовую перековку с вьетнамской мотыгой, а в Маниле продали бы в рабство одному из многочисленных племен на Ганге.

В Союзе же карательный императив, постепенно все явственней вызревающий у руководства, сменился мягким «шанхайским подходом» – на пятьдесят километров ниже Заостровской отвели место под спецпоселение с названием... сначала хотели увидеть на карте района Выселки, но потом поселение назвали символично: Гайдики.

Новым жителям отводится год на перековку и осознание реалий. Все поставки за деньги. А вот наиболее упрямые и тупые точно сядут – пенитенциарная практика в анклав есть, как и профессиональные кадры держиморд. Несомненно, это полумера. Но и Главного понять можно: не хочется Сотникову в новом мире гулаги устраивать и деспотизм проявлять, пробует отойти по-мягкому...

По мере того как «Клевер» все дальше уходил от берега, окружающие главную русскую реку дикие горы представляли во всей первобытной красоте. Невысокие у воды, они набирали высоту на удалении, а две обросли ледниками и снежными шапками – серьезный массив. Там, кстати, водятся хорошо известные русским гаруды, но в этом месте «птички» пока не хулиганили. А вот чуть дальше по Сене запросто можно нарваться на атакующую стаю. Да и нападать возле Двух Лошадей сложно – узости, берега высокие, расшибешься о скалы к чертям.

Тут такой интересный момент.

Упомянутое нами в отчетах название гигантских крылатых убийц настолько понравилось слушателям, что практически мгновенно вытеснило старое – в анклав их называли «кондорами». Понять такое было сложно: ведь у местных куда как больший опыт общения с «птичками», казачки Заостровской в рейдах регулярно их сшибают, как простых ворон, приспособились.

Феномен прояснил Костя Лунев по прозвищу Кастет – тот самый невысокий сталкер с острым языком, на мой взгляд, самый интересный в группе:

– Гаруда – это звучит хорошо. Это по-нашему, есть в слове азиатское, былинное. А то кондор, да кондор... франкмасонство сплошное. Голливуд.

«Гуля» на палубе мотобота нет, катер остался на причале Замка: в этот раз решили не катать зря. На бортовой шлюп-балке висит на таях небольшой ялик с «подвесником» в

пять лошадок. А вот крутой черный мотоцикл дожидается хозяина в трюме: насколько мне известно, в районе Южного Форта есть где прокатиться.

С левой стороны продолжали громоздиться горные отроги, тянущиеся до самого устья, справа же хребет отодвинулся дальше, постепенно понижающаяся подошва с матерой тайгой спадала к морю многие километры.

Разгрузка в бухте Морского Поста много времени не заняла.

А вот с обработкой грузов аборигенам точно придется повозиться – на берегу лежали три длинные гладкоствольные пушки, выделенные поселку из числа найденных в подвалах Замка. Теперь мужикам предстоит тянуть вверх по склону стволы, лафеты и боеприпас, проводить первичный монтаж батареи в ожидании мастера-оружейника, который прибудет в пятницу.

– Эдгар, ты того... сам не боишься этих чудовищ? – спросил я, с некоторым сомнением глядя на древние орудия разрушения кораблей и береговых фортов.

– А чего мне их бояться, освоим. Наоборот, даже интересно пальнуть будет – я оружие полюбил, нужная вещь! – с энтузиазмом ответил старшина поселка. – Попробую по большой белой засадить согласованной картечью. Не люблю этих холодных тварей: крепко напугали они меня в первые дни...

Я посмотрел на фронтир-хиппана внимательно: а ведь действительно, этот авантюрист попробует – весьма пытливый ум у человека. Может, что и получится: при должной практике канониров такой блок стволов полностью закупорит глубокий срединный канал устья Волги, преградив путь любому судну, если оно не броненосец «Ретвизан».

– Милый, я уверена, что этот чувак пальнет прямо сегодня, – шепотом сообщила мне Zicke по-немецки.

– Согласен, дорогая, валить нам пора, да побыстрее: как бы на отходе от причала Промзоны под «френдли файер»¹ не попасть.

Кроме того, на дощатую пристань мы выгрузили – смотрю по ТТН²: запасную военную ламповую радиостанцию, вернувшуюся на родину после починки, огромный кусок старого брезента, три ружья модели «Арсенал-111», детское питание в пестрых банках, комплект подшипников для ветряка, один мягкий диван местного производства, обтянутый кожей, что доступней и дешевле ткани, двенадцать пустых алюминиевых фляг под морепродукты, боченок из липы, полный душистого меда, три топора, из которых один лесорубный, новый флаг, много канцелярской мелочи, два мешка серой муки и огромную бутылку оливкового масла – его потребление в селении очень велико, – нитрокраску в тубах, отдельно и быстро забрали и унесли зингеровскую швейную машинку.

Продуктов в составе груза было немного – южная община во многом живет на самообеспечении, что не так уж и сложно: много мяса им не требуется, учитывая постоянные закосы эзотерических людей в разнообразные диеты. Сейчас вот идет «жевательная» – это когда все, что попадает в рот, нужно пережевывать целых тридцать два раза. Основная же – морская, рыба и морепродукты всегда на столе.

Перед отплытием прибежала возбужденная Лилит, вся в разноцветном, принесла гостям самый настоящий лубяной туюсок, в котором лежали еще горячие крабиды, жаренные в оливковом масле со свежим укропом, – такой вот чисто гостинчик в дорогу. В результате мы никуда не поплыли, расселись прямо на причале и тут же вкусили прекрасного. Впечатлившись южноморской кухней, Ленчик так растрогалась, что подарила Лилит бронзовую феньку на вязаном шнурке, еще из базельских запасов, за что и была расцелована с подозрительной нежностью.

¹ «Дружественный огонь» (англ.).

² Товарно-транспортная накладная.

На причале Промзоны нас давно ждали.

Когда «Клевер» проплывал мимо, спеша к Эдгару, мне пришлось объясняться по радиации с карго-командой и техникой, загодя присланной на берег: объяснять причину задержки.

Причал тут солидный, грузоперевозки идут большие. Сюда часто ходит Чудо Реки – модифицированный милитаристически шуш-понтон фантастического образа со зловещим именем «Густав», похожий на старинный морской монитор, – он возит технику, битую и чиненую. Вот и сделали местные капитальный съезд и широкую аппарель.

Шкиперу очень понравилось здесь разгружаться: нам практически не пришлось ничего делать, дружная команда налетела скопом, все быстро вытащили на терминал-площадку под тентом, откуда груз будет машинами доставляться на склад. В основном мы привезли топливо – шестнадцать бочек выкатили из трюма. Иногда этим запашистым делом занимается обычный автомобильный топливозаправщик, доставляемый сюда на пароме.

Разгружались час. Все, больше грузов для ремонтников нет, осталась лишь партия, предназначенная для Южного Форта. Хотя пока что этот новый объект административно подчиняется Промзоне. Самое интересное в грузе – еще три пушки, их будут ставить в крепости. С этой артиллерией натерпелись все: два совещания коту под хвост, спецы никак не могли решить и договориться о судьбе орудий. Финал, как это часто бывает, поставил Сотников, поделивший стволы так:

- 2 штуки – на «речных» башнях Замка Россия;
- 4 штуки – на всех башнях Замка Берлин;
- 3 штуки – батарея Морского Поста;
- 3 штуки – батарея Южного Форта;
- 2 штуки – блокпост Дальнего Поста;
- 1 штука – батарея острова Браконьер;
- 1 штука – резерв для Балаклавы;
- 2 штуки – общий резерв.

Пока что наиболее удачно и основательно пушки встали в Берлине: там башни подходящие, под верхней площадкой – небольшие казематы с бойницами, пушки можно установить капитально, стационарно и эффективно, как там и были. А может, они там когда-то и стояли. И функционировали.

– К острову подойдем, посмотрим, – решил Маурер, выкатив «Клевер» в залив устья Волги и чуть прижимаясь к пологому правому берегу. – И это... к бою!

Джай встал к «башенному» пулемету, развернул ее на объект, включил тумблер помпы водяного охлаждения, Ленни осталась со шкипером в рубке, а я с винтовкой – с правой стороны надстройки, мотобот будет обходить остров против часовой стрелки.

Невеликий островок, метров триста в поперечнике. Сплошная скала, с первого взгляда, наверх забраться решительно негде. А на вершине каменного «пальца» густой лес – есть, где и спрятаться можно от посторонних глаз, и дом поставить. Острые скалы торчат из пены прибоя, сегодня небольшого, но близко лучше не соваться, да Маурер и не собирается – держит судно на дистанции.

Мы медленно пошли кругом.

Кастет рассказывал, что с юго-восточной, невидимой с берега Волги стороны острова Входного имеется небольшой пляж посреди валунов и более-менее пологая расщелина, по которой вполне можно подняться к вершине. Сталкеры там и поднимались, когда ставили на вершине флаг анклава, а позже путь осваивали и строители, недавно уехавшие отсюда. Флага, кстати, со скалы Морского Поста тоже не видно: символ Русского Союза адресован

возможным пришельцам. В мои планы не входят альпинистские упражнения, задача более проста: осмотреть тот самый пляж в поисках следов возможного визита. А это мы умеем.

Ага, вот и искомый бережок, он, как выясняется, надежно спрятан за небольшой вытянутой вдоль берега, плоской и скользкой от брызг скалой двухметровой высоты, что очень удобно: прибой не мешает купальщикам.

Ба-бах!

Над заливом пролетел грохот орудийного выстрела.

Ба-бах! Ба-бах!

Батарея Эдгара уже заработала.

– Вовремя мы ушли из реки, – рассудительно сказал Ули по громкой связи.

– Обратно бы проскочить, – крикнул мне Джай из башенки.

Берег по первичному осмотру чист, можно подходить, я бы так и сделал.

А шкипер сделал, как положено: завершил полный круг вокруг острова и только после этого осторожно направил судно к желтой полосе. Зашвартовавшись, на земную твердь выскочили все, кроме Сашки, – нам новое место пропускать не хочется. Цыганенку же дикий берег до лампочки: насмотрелся он на него за свою короткую жизнь, вот и стоит вахтенным, ходит по палубе с биноклем.

Я сразу пошел вдоль прибоя – для начала влево, наклонив голову и внимательно осматривая крупный песок.

И почти сразу нашел след. Что это?

Мы напряглись. Как будто что-то тяжелое волочили по земле – широкая, чуть ли не в метр, полоса примятого песка тянулась к кривым запутанным кустам, по бокам какие-то крапинки... Лодку затаскивали в захоронку? Не похоже, да и не кусты здесь, а одно недоразумение, насквозь просматриваются, ничего там нет, никакой лодки, да и отпечатков обуви не наблюдаю. Сфотографировав подозрительные улики, я перехватил ствол поудобней, несколько напряженно крикнул, подзывая к себе остальных. Друзья подошли быстро, у индуса уже и ствол наготове.

Не успел задать вопрос, как капитан «Клевера», пристально глядя на землю, нехорошо так заинтересовался, у всех сразу:

– У кого есть аллергия на моллюсков, господа?

Ни хрена себе!

– Подожди, шкипер, неужели ты думаешь... – Глаза у Ленчика стали как плошки.

Все мы смотрели ошарашенно – уже на шкипера.

– Думаю я, не думаю, а это здоровенный моллюск, выбиравшийся здесь на берег, – выразил свое мнение Ули. – Что-то типа кальмара.

И ведь ни тени сомнения на лице у Маурера нет! В конце концов, кто тут морской волк? И речной.

– Святая Дева...

– Кракен, – озвучил самое страшное Джай, рефлекторно подвытащив кукри. – Всех поздравляю.

Я, зябко вздрогнув, присмотрелся еще раз.

– Тео, мне здесь не нравится, – нервно сообщила Ленни, прижимаясь ко мне.

– Да ну вас к черту, господа! – попытавшись успокоиться сам, попробовал я успокоить и друзей. – Не такой уж большой размер тулова для кракена!

– Ага... Только лично ты в такое тулово – так ты сказал? – в общем, войдешь с потрохами и оружием, – поморщился Ули, пренебрежительно кивнув на мой карабин. – Это тебе не супергрязли, в такое чудовище вашими пулями стрелять – как в желе, без толку.

– Тогда просто много вкусного мяса, надо караулить и брать, – спокойно предложил альтернативу индус.

– Давайте-ка пойдем на корабль... – Казалось, Ленчик предложила самое толковое на данный момент.

– Да, купаться тут что-то не хочется, – приглушенно заметил я.

– После такого купаться не хочется по всему побережью, – Маурер легко и логично дополнил мой вывод.

Нехорошая находка – никто ей в анклав не обрадуется, уж точно. Что же никто Эдгара не расспросил? Наверняка ведь жители Морского Поста натыкались на нечто подобное во время своих прибрежных странствий и промыслов. Внимательней нужно быть к персоналу, даже если люди несколько странноваты.

– Ладно, шкипер с Ленни идут на корабль, мы с Джаем посмотрим выше, задания никто не отменял, – окончательно решил я.

Изготовив оружие, вместе с индусом двинулись дальше.

Маурер с Ленни отошли к судну, встали под прикрытием «Клевера», но на борт подниматься не торопятся, страхуют...

Здесь, куда волны прибоя не добираются даже в самые крепкие шторма, следов хватало, правда, все они старые, ни одного свежего. Строители между кустами натоптали изрядно, что объяснимо: им надо было грузы ворочать, наверх затаскивать, не до конспирации, да и зачем она на своей территории. Две пустые бочки лежат на боку за кустами – их оставили под топливосливом. Снялись строители недавно, закончив возведение высокого квадратного сруба под островной маяк, – лучшего места поблизости отыскать просто невозможно. Маяк здесь будет автоматический, мигающий, рядом со срубом встанет ветряк, в бухте появятся погружные приливные электростанции.

То же самое судно, что закинет на Морской Пост оружейника, наивно думающего, что аборигены-хиппаны до сих пор с абсолютной беспомощностью чайников ходят-бродят возле пушек, пытаясь понять, где у них тут дуло, доставит сюда бригаду монтажников. Они соберут агрегаты, запустят и скинут всю эту автоматику в эксплуатацию Эдгару.

И заработает маяк острова Входного, вспышки будет видно издалека.

Постовские, в отличие от отказников, работы не чураются, охотно подписываются подо что угодно. Лишь бы никто посторонний в ближней округе не болтался, лишь бы чужой да непонятливый, не умеющий вдумчиво повязывать на молитвенные деревья цветные ленточки, в приказном порядке не внедрился в тесный коллектив эзотериков. Ленни запросто бы к ним влилась – ей уже намекали в поселке.

Летала бы теперь на остров на дельтаплане, маяк обслуживать, брр...

– Ну что, камрад, пошли обратно?

Джай кивнул, и мы поспешили на судно. Не успели отчалить и выйти на курс к низкому мысу огромной бухты – конечному пункту назначения экспедиции, – как из машинного отделения выскочил Сашка, пристально оглядел палубу, как-то странно пожал плечами и быстро зашел в рубку, где собрались все остальные: у кого камера, у кого бинокль.

– А черепаха где?

– О чем ты, матрос? – вопросом на вопрос важно откликнулся капитан «Клевера».

Zicke тут же закрыла лицо ладонями, начав содрогаться в припадке.

Джай Бодсингх просто вышел на правый борт, не желая участвовать в таком позоре.

Кракен, зараза... гигантский.

– Так вы что, вкусную океанскую черепаху не забрали?! – искренне возмутился морской цыган. – Я сам след на песке видел! Она же наверняка в кустах лежала!

Острый нос «Клевера» в наступившей тишине гордо резал морскую гладь.

Опытный экипаж покорителей и знатоков океана шел к очередной цели.

На самой оконечности мыса из густой низкой растительности выступали серые развалины древней каменной постройки. Это не береговой форт и не крепость – скорее всего, это остатки наблюдательной башни или маяка, второе, пожалуй, вероятней. Выходить мы не стали, лишь сняли на фото и видео с хорошим разрешением, хотя на обратном пути желательно бы осмотреть. Сейчас же груз скинуть надо, люди ждут.

Только завернули за мыс, и... Мало что могло бы меня так удивить и восхитить, как этот бесконечный ряд пальм, стоящих на границе широкого пляжа. В один из своих длинных северных отпусков слетал я как-то в Доминикану – вот нечто подобное сейчас и открылось взору. Нас предупреждали, но не верилось. Огромная горная гряда осенью и зимой начисто перекрывает путь холодным потокам воздуха с равнин, аналогичный феномен наблюдается в Абхазии и даже в Сочи. Огромный океан – безотказный природный аккумулятор тепла, он стабильно поддерживает тут свой микроклимат, настоящие субтропики. Ни влажного холода, ни изнуряющей жары.

– Ну что, теперь-то вам не страшно купаться? – спросил шкипер, показывая на пальмы и пляж с такой гордостью, будто это он их тут посадил, еще и песочка насыпал.

– Как сказать, – усмехнулся Джай. – Черепахи не отменяют кракенов.

– Может, все-таки спросим у Алекса? – разозлилась Ленни.

Позвали матроса.

– Кракены? Гигантские? А как же! Есть, конечно, многие видели... Я, правда, не видел.

– Ну что теперь? – съехидничала Zicke. – Купальники в шкафу?

– Зачем сразу в шкаф? – не понял Сашок. – Это же не акулы, что им возле берега делать, они на глубине ходят.

– А ты слышал что-нибудь о случаях нападения на человека? – закономерно поинтересовался и я.

– Ни разу.

– Они «фисташки» любят, – охотно поделилась мыслями сильфида.

– Чего?

– Аквалангистов, их чистить прикольно.

Ну вас всех к лешему, я купаться точно буду. Дураком надо быть, чтобы упустить такую возможность побалдеть в раю.

По ту сторону от устья Волги тоже могли бы возникать подобные оазисы, но там нет столь огромных природных «карманов» плодородной земли, нет глубоких бухт с широкой береговой полосой, сплошь скалы да обрывы, полоска пляжа, где она есть, узкая. А в Балаклаве по длинному узкому распадку прохладный воздух всегда будет пропускать в бухту, там климатическая картинка ближе к Новороссийску.

Кстати, в Балаклаву на днях уходит экспедиция. И не на «Дункане», а на другом судне – «Нерпе», а это самый настоящий морской пароходик, с паровым двигателем, не привязанный жестко к базам с жидким топливом. Но и мощный подвесной «меркурий» на «Нерпе» стоит, это уже новация. Такой мультитопливный корабль – настоящая находка для анклава: хоть в кругосветку можно отправляться.

Капитан на этом пароходе особый, с характером. Мрачноватый такой тип по фамилии Корнеев, имени его не знаю, все к нему почему-то обращаются именно и только так. Корнеев – неформальный председатель Клуба Капитанов, в который входят Коломийцев, веселый молодой Женя Самохин, встречавший нас на катере «Стерегающий», а также oberbootsmann «Густава» Антон фон Зейдлиц из Берлина по прозвищу Боцман. Ну и наш Маурер вписался с недавних пор – торжественно приняли. Принимали Ули плотно. Появившись утром на судне опухшим и духовитым, Маурер коротко посетовал:

– С моряками без тренировки непросто, Тео.

После десяти километров пути берег с пальмами начал постепенно заваливаться на север, и вскоре открылась глубокая бухта Южного Форта – нам туда.

Пш-шш...

– «Клевер», ответь «Фокусу»!

Это начальник погранотряда заставы «Юг», старший лейтенант Игорь Фокин, так у меня обозначено в записной книжке. «Зеленые» стерегут Промзону, западную фронтир-границу, проходящую по долине за бухтой, ведут скрытое патрулирование местности, проводят рейды на моторке – и по Волге в районе устья, и на подходах к бухте.

– «Клевер» на связи.

– Видим вас хорошо, как поход?

– Все в рамках, командир.

– Отлично, заходите на сигнал красной ракеты, потом увидите шест на берегу.

– Понял тебя, «Фокус», заходим...

В воздух рывком поднялась ракета, показывая шкиперу курс причаливания.

А вот и сам Южный Форт, над обрезом деревьев виднеется край стены крепости и одна башня, высокая, с зубцами разной высоты, на ее стене видна граница новодела. На башне стоит кран-укосина, им поднимают блоки, восстанавливают или наращивают. Маурер повернул судно, сбросил скорость, и вскоре мы стояли возле небольшой будки с флагом на мачте, слева от строения на берегу лежал один из хорошо знакомых нам «Зодиakov».

Люди нас ждали. В форме всего двое, стоят чуть поодаль – это погранцы, рядом с ними невиданная мной ранее машина, не пойму, что это, вездеходик какой-то.

Остальные – гражданские, обитатели Форта.

Ну, что же, опять выгрузка, уже привычное дело.

Груза опять много.

Путь от бухты к Форту идет по широкой «морской» аллее, она совсем короткая, но зато в ветхозаветной брусчатке, которая, несмотря на возраст, отлично сохранилась – гранит. И аллея эта очень живописна. Сразу за частоколом пальм начинается роща огромных акаций слева и платановый лес справа, кусты сирени, лавры, просто приятно пройтись.

Три стены Южного Форта уже восстановлены, четвертую же, «морскую», пока замещает полоса «колючки». Главная достопримечательность старой крепости – это центральное здание в три этажа, его обитатели называют Рефекториумом. Башня всего одна.

– Маловата была башенка, нарастили на этаж, теперь ограждение ставим, с зубцами, – горделиво пояснил нам с Ленни Самед Костоев, комендант маленькой крепости, в которой живут и работают всего четыре мужика и две женщины: он сам с сыновьями и женой да семейная пара камчадалов. – Народу пока мало. Правда, и пограничники нам помогают, и «зоновцы», не пожалуешься.

На правом боку старосты висит кобура АПС, на левом – длинное тяжелое мачете в ножнах. Ингушу восстановить боевую башню – дело чести. А уж нарастить ее повыше... весь Кавказ в этом императиве сжат.

– На башню пушки поставишь? – спросил я об очевидном.

– Две на море, одну на запад, под мелкую картечь, – мечтательно подтвердил он, – если кто через речку полезет! А мы его...

– А что, лезут?

Самед пренебрежительно махнул рукой.

– Сначала спокойно было, а потом... В последнюю неделю канадские рейдеры начали шататься по округе. Всего один раз погранцы постреляли, пока ничего серьезного... А меня на боевые не берут, – сокрушенно вздохнул он. – Лагутина, понимаешь, не разрешает! Да и жена...

– У тебя и здесь дело важное, – успокоил я горца. – А что с живностью? Говорили, тут змей до черта.

– Ползали гады. Научники подогнали дымовухи мне, понимаешь, особые какие-то, с ядом. Я думал, думал... Много думал, – заулыбался Самед. – И надумал: зачем мне их дымом гонять, а? Скажи? Расползутся по кустам при первом запахе, лови их потом!

– И как вы?

– Костюмы специальные у скорняков в Дальнем заказал, из крепкой кожи, в три слоя, как броня, четыре штуки сразу. Взяли мы с Павлом мачете в одну руку, дубину длинную в другую, да и пошли по развалинам, саблями помахивать. Дети позади, на добое.

– Представляю себе это месиво...

– Не говори, друг, Сталинград! А вот в подвалы дымы ядовитые кинули, потом три мешка змеятины собрали... Твой мотоцикл?

Я рассеянно кивнул, глянув на вытащенный из трюма мотобота «Круизер» XV1900A Midnight Star.

– Ай, красавец... Твой, да? Себе такой же закажу, точно говорю, не откажет ведь Сотников настоящему коменданту крепости, как думаешь?

– Думаю, не откажет, ты же в анклав не последний человек, начальник поселения, опора рубежа.

– О! Как красиво ты сказал, а! Слышь, Федя, я твоей подруге виноград дам! Много тут винограда, сколько хочешь дам! И вина дам, самого лучшего, слабого, молодого, божоле!

Zicke растерянно посмотрела на меня: не привыкла девка к такой энергетике.

Как же я соскучился по такой манере, ну точно, черноморский курорт, да и только. Нет, не только, тут еще и пальмы дикие по берегу.

– А мачете вам зачем? – поинтересовалась у горца сильфида.

– Твой муж тоже с саблей! – хохотнул ингуш. – Ну, вдруг какая тварь еще осталась в кустах ползать... Сразу по башке. Да ты не бойся, красавица, у нас антигюрзина – литр, хоть пей его!

Кстати, взять бы у него надо пару шприц-тюбиков... Я перевел, Ленни поежилась. А зря – правильному человеку доверили место, этот поднимет, расчислит и построит свое.

Медленно, можно сказать, экскурсионно мы обошли всю территорию, заглянули в торжественный Рефекториум, искренне восхитились зодчеством. В северной части крепости есть двухэтажные дома, суммарная жилая площадь большая, много людей разместить можно. Рядом старые мастерские, винные прессы, конюшня без лошадей. И везде много зелени, круговые и прямоугольные газончики, порой совсем крошечные. Такой же маленький бассейн с постаментом без фигуры. Видно, что основные заросли повырубали, но кое-что Самед оставил, и правильно сделал – это красиво, зелень среди старого камня.

За стеной крепости среди зарослей виднеются какие-то руины, ими пока не занимались. Бочки, сарай с навесом, мини-трактор с прицепом стоит.

Рядом со стенами Южного Форта журчат сразу два спокойных ручья-рукава: очень удобно, много доступной пресной воды.

– Эдгар сегодня уже пробный залп дал, – поведал я горцу новость. – Не слышал грохот?

– Да ты что! Ц-ц-ц... – Ингуш насторожился, отрицательно покачал бородой и откровенно расстроился. – Обскакал меня ненормальный, опередил, оранжевый бес! Хотя знаешь, хороший он мужик.

Через реку недавно был перекинут массивный деревянный мост, такой любую технику выдержит. Точнее, он каменно-деревянный, из бруса и доски сделана лишь малая часть пролета, остальное – плоские каменные плиты, их тут огромное количество накидано по речной долинке.

– Обещали к концу месяца две семьи из Перми прислать, крестьяне, – ингуш задумчиво поделился перспективами развития. – У тебя никого знакомых нет среди пермяков? Как там народ, работать будут?

– Плохих не пошлют, Самед.

– Очень надеюсь...

– В море ходишь? – сменил я тему.

– Не, я больше по горкам, на барашку хожу... Боюсь я моря, честно, не мое. Тут такие монстры могут быть, да ты видел, поди. Говорят люди, что кто-то про гигантского кракена рассказывал, понимаешь? Видел такого, нет, только честно скажи, да?

Что ответить человеку...

– Врут, скорее всего.

– Может быть, может быть, Федя, – недоверчиво пробурчал глава поселения. – Посмотрим, послушаем... У нас камчадалы рыбачат, им море в родню... Эх! Пошли, красавица, нашу знаменитую Бабу вам покажу! Катей назвали.

Огромная каменная Катя стояла на постаменте возле гладкой отвесной скалы, на этой же стороне горной реки. Древнейшая, как пирамиды, фигура была вырублена из цельного камня – метров десять в высоту. Ленни сразу полезла по природным ступенькам повыше, принялась рассматривать и фотографировать какие-то иероглифы. Сильная тут археология, богатая, есть пища для размышлений.

От природного постамента к Форту ведет выложенная плитами тропа, огибающая прозрачное круглое озеро.

– Карпов посажу, зеркальных. – Самед аж губами чмокнул.

– Так море же рядом!

– Там зеркальных нет, одни соленые.

Тут я вспомнил еще один важный, как мне показалось, момент.

– Сегодня по пути сюда мы на скалу Две Лошади Автандила закинули. Узарашвили, знаешь такого? Там жить будет.

Горец восторженно и в то же время озабоченно хлопнул в ладоши.

– Вот теперь, хочешь не хочешь, а придется ехать! Земляк.

При знакомстве он первым делом поинтересовался у Zicke, какой она национальности. На меня глянул – и не спросил. Вообще-то на Кавказе это обычное дело: куда бы ты ни приехал – люди сразу поинтересуются, какого ты роду-племени, путник, причем без всякой политкорректности. Спросили, и многое уже стало ясным, можно лишних вопросов не задавать. Древнейшая практика: кто за тобой стоит? Что за менталитет в себе несешь? На что ты годен? Какова репутация рода?

Пообщавшись еще немного, мы разошлись по своим делам.

Самед отправился заводить невеликий трактор с прицепом, а мы с Ленчиком, сев на верного железного коня, отправились дальше. Тропа почти сразу после Форта сначала поднимается в гору, а потом разделяется: та, что чуть получше, старая каменная, идет на Промзону, но по ней на квад্রে не проедешь, она пешая. Узенькая же пересекает лес и подальше втыкается в главную грунтовую дорогу – местную магистраль, по которой с базы на берег возят груз. Там любая техника пройдет. Если из «проходимцев», конечно: профиль пока неровный.

Легко поднявшись на черно-серебристом «носороге» чуть повыше, мы с сильфидой вышли на лесистый приступок скалы, посмотрели сверху на большой и глубокий залив. Ай да вид! Картины рисовать можно. Zicke же явно считала, что и нужно, и откровенно жалела, что не взяла свой знаменитый с недавних пор альбом. А я – нет, остановились мы ненадолго, не до художеств.

Белый «Клевер» медленно шел вдоль берега: на судне велась планомерная съемка дна, скучное занятие – вот и я закосил под начальственным предлогом, мол, ознакомиться командиру нужно, на людей посмотреть, обстановку понять.

Пш-шш...

– «Рейнджер», ответь «Фокусу»!

«Рейнджер» – это я, Федя Потапов, это швейцарцы мне такую свинью подкинули.

– На связи.

– Вы где сейчас?

– Через реку перешли, стоим на каменной полке, поедем по тропке вдоль залива.

– Хорошо... Пш-шш... Если поедете выше, сразу предупреди во избежание: у меня там мотопатруль работает.

– ROGER³.

– Вот теперь верю, что ты рейнджер! – хохотнул Игорь. – Давай, до связи!

Адская техника, виденная нами на берегу, принадлежит пограничникам – на них они и патрулируют чаще всего. Два полугусеничных мотоцикла высокой проходимости, добытые группой Демченко вблизи Берлина, служат на границе. Это германские «кеттенкрады» времен Второй мировой – Kettenkrad НК-101. Для шуш-мотиков даже бронекоконы имеются, причем не «самоварные», а штатные, как похвастался Фокин. Правда, они до первой крупной тревоги стоят на Промзоне, без брони быстрее и легче.

А еще этот вездеход пригоден не только для езды через буреломы, но и для многого другого. В опциях к машине: бак для кипячения воды, бур для сверления скважин, стиральная машина, плуг, центробежный насос с разбрызгивателем для поливки растений, аппарат для очистки и кондиционирования воздуха, динамо-машина, КВ-радиостанция, канавокопатель и даже пылесос. Помимо всего прочего, переднее колесо вездехода заменяется циркулярной пилой – можно было валить деревья, очищать их от веток, распиливать на бревна и делать доски. Но пока зеленопогонники на нем только патрулируют.

Поехали дальше.

После пересечения с главной грунтовой восходящая тропа стала значительно хуже, на пути начали попадаться ямы и рытвины. Правда, двухцилиндровый четырехтактный двигатель «Полуночной Звезды» нагрузки не заметил, а мягкая подвеска и МТ-резина позволяли проходить препятствия легко. Лес стал гуще, выше и темней, вокруг достаточно мрачно. Тут могут быть сюрпризы – места реально дикие, между прочим, здесь даже обезьяны в предгорьях водились, шибко агрессивные. Демченко красочный рассказ написал, как они у стаи «боевых павианов» Промзону отбивали, читал я на досуге – впечатлился.

– Оружие проверим.

Маузеровский пистолет я с собой не потащил – висит в рубке мотобота, надоело мне мотаться, сплошь увешанному стреляющим железом. Да и не нужен он особо в поле, когда 98-й «винт» есть. У Ленни с собой любимый «томми», хрен теперь отнимешь, ну и «глок» на поясе, хорошая машинка, удобная, надо было и себе такой покупать. Ох, не хочу вспоминать я про былые ошибки, тем более что все они из области сугубо мелкоматериального хапужничества.

Два «хаудаха» закреплены в зажимах багажников по обеим сторонам машины. Нормальная огневая мощь у звена – вполне достаточная, если стрелять точно. А по-другому мы не умеем. По идее, тропа должна полностью огибать залив и в конце выходить куда-то к дальнему мысу, где предварительно и назначено randevu с «Клевером», Маурер подойдет по запросу. А потом уже все вместе поедем в Промзону, типа в гости: командир погранотряда обещал прислать автомобиль.

³ Кодовая фраза из натовской лексики переговоров.

Деревья по левую сторону редкие, бухту частично видно, южное море мелькает солнечными бликами среди стволов. А вот справа... тайга здесь высокая, матерая, хотя проехать много где получится, будь на то желание беспечного ездока: расстояния между огромными платанами и вязами приличные. Подлесок же редкий, чаще коричневый, а не зеленый, вся земля усеяна старой листвой, солнечного света сюда проникает мало, гиганты боятся конкуренции, дают молодняку затемнением. Белки есть! И не просто, а белки-летяги! Как и положено, крупненькие. Несколько раз мелькнувшие в высоте крылатые силуэты напомнили мне нечто неземное, из зрелищной кинофантастики. Другой живности пока не видно, хотя птицы верещат на разные голоса.

Да какая тут живность... Движок «Круизера» хоть и работает достаточно тихо, но сигнал опасности всему живому подает прямой и явный – кому надо, услышит: едет непонятное, уходи подальше.

Еще минут двадцать неспешной езды прошли спокойно, а потом началось.

Тук! Тук! Тук!

Вдалеке глухо простучали три выстрела. Это винтовка работает, и мощная. Что там случилось? Пограницы зверя берут?

Тук! Тук!

И тут же добавилась очередь из автомата.

– Что делаем? – резко спросила Ленни.

– Стоим, ждем, разбираемся...

Какое-то время опять было тихо, но затем справа вдалеке вновь застучали выстрелы. Опа, надо Фокина вызывать. Только я об этом подумал, как рация проснулась.

Пш-шш...

– «Рейнджер», вы где там? – Голос у Фокина тревожный.

– Мы на тропе. Что случилось, старлей?

– Вот и будьте на тропе, осторожно двигайтесь назад!

– Да что случилось-то?

– Канадская разведгруппа. Патруль ведет бой, я мангруппу посылаю. Все понял?

– Принял.

– Хорошо.

Я спрятал рацию в карман, коротко пересказал разговор подруге.

– Почему это назад! – возмутилась она.

– Вот и я думаю... Оставляем «носорога» тут – чай, не украдут белки – и двигаемся туда, будем разбираться на месте. Идешь за мной быстро, тихо, незаметно. Ну, ты помнишь как. Так... Стоп!

Опять вытащив рацию, я вызвал «Клевер». Ответил Ули.

Они выстрелов не слышали, работают по плану, никаких подозрительных движений на суше и море не отмечали. Описал ситуацию.

– Ули, делаем так... Заходите за мыс, встаньте поближе, там горы чуть прижимаются, долина сужается, группа канадцев, если что, будет отходить ближе к берегу. Про вас они наверняка не знают. Наблюдать, ждать, слушать эфир, работать будем по факту и готовности. Окончательного решения нет. И за морем смотреть! Как меня понял?

– Все понял, держим связь, Джай будет в башне.

– Gut.

И пошли мы с сильфидой меж деревьев привычной быстрой ходьбой, с пяточки на носок, с перевалочкой, с оконцовкой давления стопы на большой палец, как индейцы из племени черноногих. Не люблю я такого способа передвижения, не уважаю, все едино шумновато, но сейчас времени нет, а бегом никак нельзя, глупость это полная – по лесу бегать. Пригнувшись, мы вышли по зарослям на край массива.

– Ложись.

Достал бинокль, повел по большой поляне с кустами густых кустов. Тут есть где спрятаться... Где вы? Помогли свежие выстрелы. А дальномером? Ага, понятно... Патруль залег в небольшой рощице, назад ему спокойно не выйти: перекрывают канадцы. Видать, группы заметили друг друга практически одновременно. Ребята наши залегли, обустроились, пошла тупая позиционка.

– Ленни, смотреть тылы и подходы.

Переключил рацию на гарнитуру. Щелк!

– «Фокус», здесь «Рейнджер», противника вижу хорошо, дальние восемьсот пятьдесят метров к северу от меня.

– Ты где?

– У Назарбаева! – Я тоже разозлился.

– Федя. С меня за вас поганы сымут, даже ефрейтора не оставят, – тихо прошипел Фокин. – Если хоть царапина...

Некогда мне спорить.

– «Фокус», слушай внимательно! Твои опознали четверых, почти напротив. Винт у этих один, изредка постреливают, между группами триста метров. У остальных автоматы, типа не распознал. Один автоматчик беспокоит втупую, отвлекает... А вот сбоку, ближе ко мне, еще двое, только что подошли, твои их не увидят, там вал земляной. Готовят ротный пулемет, какой – не скажу, типа... Короче, чем-то похож на тот, что у американцев был во Вторую мировую, могу ошибаться. Лежать будут недолго, скоро эта парочка начнет наших прижимать, да так, что не высунешься. Технику тебе точно угробят. Как понял?

Щелк! Задумался старлей.

– «Рейнджер», что предлагаешь?

– Могу работать. Мне второй пулемет на судно позарез нужен.

– Сколько там, говоришь? Восемьсот пятьдесят метров, до ближних пятьсот? Ну-ну. Засекут и пойдут к тебе. Может, там еще прикрытие есть...

– Слушай, давай не будем друг друга учить. Сказал, что могу работать, значит, могу. Ты мне только скажи – гасить их или нет? Я еще не в реалиях, не знаю раскладов.

– Гасить: это вооруженные нарушители границы, оказавшие сопротивление.

– ROGER, работаем, не отвлекай больше, сам вызову.

Ближе подползать не будем: и здесь позиция неплоха.

– Ленни, смотри втрое, отсекай сразу.

Еще раз померил дальномером. Первые два патрона в магазине я заменил трассерами, снял и сложил тугим подмышкой куртку, крепко обвязав «пакет» рукавами, положил под ствол. Ну, давай посмотрим. Вялая стрельба продолжалась. А четверка-то тем временем растяжки ставит по обходным!

– Передай Фокину про растяжки.

Парочка пулеметного расчета поползла наверх, чтобы ударить сбоку. Дистанция не изменилась, ветра нет. Первую осознанно положу чуть ближе, хочу увидеть недолет: долго стукать пристрелочными мне не дадут.

Ну, давай.

Дождавшись начала очередной огрызаловки, я плавно потянул спуск.

Хлопнул раз – и смотреть. Ага! В принципе все ясно, только чуть настильней будет на обычной пуле... Но лучше бы еще разок глянуть. Бах! На этот раз помощник пулеметчика что-то такое заподозрил, чуть повернул голову в мою сторону. Только уже поздно, парень, я прицелился.

Выдох – тяга.

Есть!

Пулеметчик, приняв мою третью пулю в бок, сразу рефлекторно сжался вокруг раны, разворачиваясь и падая на землю боком. Второй, перекатившись, развернулся ко мне, тут же переместился подальше и низом, перебежками рванул к остальным – попасть уже нереально, дистанция очень серьезная, мишень двигается, хорошо, что хоть первого удачно снял. Минус один у Феде.

Оставшиеся два патрона я выпалил по основной группе, уже не таясь и ни в кого, естественно, не попадая.

– Ленни, давай в них короткими: пусть заволнуются, начнут бегать.

Справа застучал «томми», а я перезаряжал винтовку, поглядывая на поле боя. Наши расклад уже знают, начали вести огонь поинтенсивней. А скоро и кавалерия появится.

– Сказала про растяжки?

– Угу. Еще палить? Патронов жалко.

Ишь ты, какая экономная.

– Давай, милая, давай, хороший трофей получим!

Не выдержав обстрела с двух сторон и нарастающей напряженности боя, канадские диверсанты перебежками поскакали на запад, отходя в сторону долины. Один хромот, другой держится за бок. А вот за вами Федя бегать не собирается, тут мое геройство кончилось, я рационалист. Опа, а у нас, похоже, тоже один подранен.

Снял и отключил гарнитуру: все равно отвлекает от природного шумового фона, хоть и маленькая.

Пш-шш...

– «Рейнджер» вызывает «Клевер». Вы где там?

– Готовы, Тео!

– Они твои, шкипер. Пошли к долине, пятеро, пулеметов нет, двое ранены. Гасите там, до кого дотянетесь.

Погромыхивая гусеницей, к месту боя подошел еще один «кеттенкранд», с шумом подлетел к засевшим пограничникам. Поди, теперь-то бронекоконы напаят после баталии... Следом катили два квадроцикла. Интересно, пойдут в погоню?

– Что-то людно тут становится, не находишь? Пошли-ка, родная, заберем свой законный пулемет, так оно надежней будет. Хоть и заявились мы... С бою взято, значит, свято, из рук не выдерешь.

Ziske понимающе кивнула, вбивая в «томми» свежий магазин.

– Закон фронта, чувак.

Как ее не поцеловать? Я и поцеловал. Солнце, море и пальмы, пальба и поцелуи. Что еще нужно Феде для счастья...

Что я, правда, жаловался – мол, приключений не хватает?

Глава 4

Когда чудесно начинается день...

Петр Уксусников, шериф анклава, профессионал другой стороны обиденного

День для меня начинался просто замечательно – редко такое бывает, я как на допинге, – никто с утра не опаскудил настроения, чудеса.

Как с вечера договорились мы с Геной Самохиным, что утром прикачу к нему на Остров, так все и получалось. Шерифу устроить себе отгул непросто, поэтому пришлось постараться хоть как-то подбить нескончаемые текущие дела.

В сентябре погоды тут стоят отменные, синий бархат, да и в октябре не хуже. Дожди-предупреждения начинаются лишь в ноябре, с каждой декадой все более холодные, колючие. А пока – самое время для спокойной, вдумчивой рыбалки. Есть у Гены свои закутки, свои «правильные точки»: как же им не быть у главного браконьера. Это у них семейное: сынуля на «Стерегушем» хорошие места находит, папаша – по роду занятий. С тех пор как Самохин-младший ушел на катер, заменив Олега Бочкарева, Гена как-то затосковал, остепенился, теперь все чаще подумывает переехать с женой в Посад: годы берут свое, душа требует покоя, оседлости.

С Острова мы собирались быстренько долететь на сыновнем катере до какой-то заимки пониже Щитовой, а там и озерца есть захоронные, и кордон невеликий – балок да лабаз, в самой чащобе. Гена говорит, что в тех краях лучшая рыбалка на удочку: карасики, окушата, щучки молодые... Никаких вам трехпудовых нельм и осетров, этих и у Замка можно брать. А вот так, чтобы с удочкой, да у тихого омута... Самая лучшая рыбалка, мелочная, наша, родная.

У немцев, например, не так: слишком они рациональны.

Есть неподалеку от Берлина небольшой островок на озерце, там стоит бывшая локалка, ставшая детским оздоровительным лагерем летом и вторым центром скаутской подготовки зимой, так берлинцы в этот «водный бублик» зеркальных карпов запустили, в кулинарных целях. Зачем это все? Лучше бы дикое завелось, само собой. Но с немецкой точки зрения это нерационально.

И вот только я собрался на причал, как меня догнала радиограмма: Командор собирает совещание. Да не с утра, а очень уж неудобно – в обед. Все, думаю, накрылась моя рыбалка, день будет сложный – я верю в приметы.

На всех совещаниях, и не только у Сотникова, я сажусь отдельно – всегда так делаю, да. Подальше и чтобы незаметен был. В большом кабинете Главного такое «мое» место – за камином, я ставлю стул в уголок, сажусь и тихо слушаю, внимательно смотрю. Иногда говорю что-то, но очень редко.

Камин – это хорошо, жилище огня настраивает на спокойные мысли, даже если сам огонь и не горит. Меняешь ритм, это несложно. Каждый якут, когда садится перед печкой-камельком, становится философом, а когда садится верхом на лошадь – певцом, так говорят они сами. А я наполовину якут по матери, так что необходимое впитал.

Сегодня тут что-то особо нервно.

Кроме силовиков, сталкеров и разведки Потапова за столом и вдоль стен сидят все главы поселений – обсуждаются важнейшие для них вопросы, ключевые. Хорошо, что у шерифа свое место: теснота страшная.

Окно открыто настежь – иначе задохнемся, на дворе стоит теплый день, можно сказать, жаркий. И безветренный. Даже огромная «труба» донжона не дает тяги – антициклон, вода на реке как зеркало.

– Я тебя услышал, Руслан, садись. – Сотников указующе дернул подбородком, переложил бумаги. – Ну что, все по первому разу высказались? Хорошо.

Он встал, сделал пару шагов к висящей на стене огромной рукотворной карте земель – освоенных, разведанных и дальних.

– А теперь и я спрошу.

Интересный момент.

В такие мгновения я всегда смотрю на людей, на их реакцию. Мне вот понятно, что сейчас Главный начнет кипеть. Кто еще понимает это прямо сейчас? Вижу, Хромов, старшина Посада, понимает. И Семен Туголуков понимает. Эти пока будут молчать, мудрые, должность обязывает, им не воевать нужно, а развиваться. Не на убой людей слать, а новых добывать.

А Русик Бероев не понимает. И Фокин не понимает. К сожалению, именно те, кто больше всего общаются с человеком по долгу службы или просто на путях судьбы, порой его не понимают – довольно обычный случай.

– Вопрос простой: каковы ожидаемые потери.

Тишина, как тяжелый полог, упала на людей сверху, тягостная, черная.

Пока все молчали, я нарисовал на стене очередной крестик, осторожно, тонким гвоздиком, специально в кармане держу. Обычай у меня такой: на удачу. Каждое совещание ставлю, а считать их не считаю. Личный бзик. Некоторые крестики ориентированы по осям, некоторые диагонально, смыслы есть, но о них пока не буду.

Если бы мне пришлось в голову нацарапать такое на любимой командорской столешнице, то он, заметив, скорее всего, тут же разжаловал бы меня в трубочисты. А на стенке ниче, не замечают.

Вот когда Маргарита Эдуардовна здесь – а она обычно напротив сидит, за столом, – то столь явное безобразие отмечает сразу и каждый раз понимающе подмигивает. Остальные не видят. Зенгер вообще что-то типа шефства над шерифом учинить старается, невесту мне ищет, да... Все медики включены в этот интересный патрологический процесс, правда, они только среди себя и ищут. А вот тут ошибочка, гражданочки в белых халатах, ход слишком простой и тем неправильный. Не нужна мне медичка в женах, никакая. Жесткие они все, медички, как башмак, без жалости к людям и особенно к их неизбежным слабостям – такова печать профессии, долг соседствует с привычной ненавистью к тупым больным, а мало их, что ли... Да я и сам такой, в смысле, жесткий. – И зачем мне, скажите, семья из двух профессионально безжалостных людей, а?

Никому про это не говорю и тем более не спорю. Хотя порой мне кажется, по косвенным данным, что Зенгер это поняла: мудрая она баба.

– Итак, еще раз, каковы ожидаемые потери? Подожди, Руслан... – президент сразу осадил капитана. – Феоктистов, вас ведь учили методе в этих самых ВОКУ⁴, ожидаемые потери считать? Молчишь?

Специально Бероева не трогает... морозит его, держит на подергивании, на адреналине. Не позавидую Руслану, но тому и не привыкать – раз ты главный военный, значит, главный ответчик по личному составу.

Вождь. Родись Сотников лет пятьсот назад – запросто мог бы ермаковать.

Я легко вижу Командора в абаканских степях или в забайкальской тайге во главе огромной конной банды, в те времена красиво называемой войском. Это только дураки считают, что хорошие военачальники всегда есть первые безбашенные бойцы и свирепые отморозки по натуре. А это не так, тут налицо обыкновенный управленческий талант людей, в силу конкуренции или случайности не нашедших себе мирного места в бизнесе, а в силу «непра-

⁴ Высшее общевоинское командное училище.

вильной» биографии не попавших в официальное «дворянство», как бы его там ни называли, по векам и эпохам.

Из таких вот и куются настоящие Новые Вожди.

Заперли Лешу на Земле-1 в самую Тмутаракань, идиоты, потеряли ценнейший кадр. Сколько их таких по Руси, запертых не там, где надо, и не теми, кому бы вообще стоило прикасаться хоть краем к кадровому вопросу.

– Алексей Александрович, извини, но так спрашивать некорректно. Если подходить с этого боку, то мы ничего и никогда не сможем сделать, – медленно поднимаясь за столом, проворчал Феоктистов.

– А я тебя понимаю! – покладисто закивал Сотников. – Понимаю... Война есть эпизод неотъемлемый, силком его из списка ожиданий не вычеркнешь, рано или поздно драться приходится всем. Только я вот про результат не понимаю: мы чего такого стратегического добьемся, потеряв людей? Кстати, Руслан! Ничего нам сказать не хочешь?

– Потери будут, это не зусулы. Уже в силу разницы в организации и вооружении, – не побоялся признаться Бероев.

Сотников хлопнул в ладоши, погладил столешницу, что-то там ковырнул...

– Во-во. Не зусулы... Давайте я вам скажу, раз все такие стыдливые. Десять человек мы потеряем за кампанию. Десяток лучших мужиков, молодых, здоровых, активных, самый генофонд. И что нам скажут девушки? Спросят они – мне первому, кстати, вопрос зададут: за что погибли женихи? Что мы такого приобрели, товарищ Сотников? От кого отбивались, не щадя жизни? Кто на нас напал?

Туголуков наклонился к Хромову, что-то прошептал ему почти на ухо. Я привычно прочитал по губам: «А людей опять у нас потребуют...» Пантелей Федорович угрюмо кивнул в ответ.

Собственно, непонятно нет. Часть наших возмущается, а чего, собственно? Это пока не госграница, это просто фронт, он подвижен. Освоили мы территорию, забились, выставили патрули. Межгосударственных договоренностей нет никаких. А канадцы справедливо считают, что там зона и их интересов, щупают, пытаются напугать. Ситуация напоминает мне старую «арктическую», когда Запад постоянно говорил нам, что, мол, русские Север не осваивают. Помню, как этот фактор помог в Диксоне церковь поставить – вот вам, присутствуем, отсюда начинается Россия! А канадцы не присутствуют, вот и пошли разбираться.

Договариваться надо бы. Но молодые хотят войны.

– Без сухопутной операции ощутимого материального урона, достаточного для прекращения агрессивных поползновений, канадцам не нанести, – упрямо продолжал гнуть свою линию капитан.

Эко слово ввернул осетин, «поползновений»... Сотников помолчал, давая паузу на размышление и себе, и всем остальным. За окном кто-то закричал молодым женским голосом, подзывая, торопя, кто-то сразу откликнулся, раздались торопливые шаги – стук-стук по брусчатке.

И вновь тишина.

А я у себя отчего-то подумал, что стал слишком старым.

Нет, не прожитыми годами, не физическими немочами, это просто излишняя мудрость накрутила мне годы. Искусственно. Парадоксально чувствую себя седым аксакалом – настолько мне все очевидно. А ведь тот же Руслан постарше меня будет, да... И среди сталкеров есть мужики годами побогаче, да и в погранцах зрелые имеются. Но они не парятся – прут и лезут, всегда готовы и всегда только в бой. А полного понимания, что вообще нам надо от этого мира, нет.

Опять какой-то шум донесся со двора. Бероев встал и чуть прикрыл створки.

– Потапов, вот вы к Квебеку ходили, – утвердительно произнес Главный.

– Так точно, – по-военному четко отозвался Федя, вставая.
Толковый парень.

Я сильно его качал, долго, въедливо, староземное прошлое мы тут выяснять уже научились. Вот с «местным» прошлым – никак. То есть убедился я, например, что Ленни Кальми-Ре действительно швейцарка, чему есть точные подтверждения, а вот что она тут делала – это только с ее слов, которых очень мало. По Джаю еще сложнее – земного досье не вычислил.

А Потапов наш, родной, никаких спецслужб за спиной. Я сразу к нему проникся. Но как только это понял, так сразу начал качать Спасателя в три потока, кучу документов через канал выписал, дольше всех его проверял – очень страшно было ошибиться. Все нормально, Федя сибирячок на три глубины, хоть и в Москве родился, даже общие знакомые нашлись, да... И Сотников к нему проникся – он ведь тоже его прокачивал, по-своему.

– Не одобряю, кстати. Кто просил сразу после драки соваться в новое пекло?

– Привычка тундровая, – нагло заявил Федя. – Каждое животное, увидев новое, хочет прояснить степень опасности.

Удивительно, но Сергей Демченко при этих словах не скривился. Я давно наблюдаю за обоими – из такого соперничества порой рождаются самые настоящие проблемы, вплоть до глупых преступлений. Но тут вроде пронесло, Александрович сразу и правильно разделил функции групп, упирая на приоритет водной составляющей дальней разведки, – а как иначе, в этом мире все далекое водным путем узнается. Пока парни ладят, даже совместные операции планируют. Да и другая судьба теперь у Демченко, это уже понятно, Сотников его к смене профиля готовит.

– Привычка у него... Ладно. Что можешь добавить, кроме этих фотографий и описания местности? Скажи, скажи, я хочу, чтобы все послушали, оценили перспективы.

Потапов непонимающе склонил голову – зачем рассказывать, если все уже трижды рассказано? Не понимает товарищ. А вот Бероев, отвернувшись, поморщился: в его понимании Сотников сейчас бессовестно давит на глав поселений, ушибить их собирается.

– Стреляли, – коротко бросил Спасатель.

– Да ну! – притворно изумился Командор. – Кто это такой дерзкий посмел на судно под российским флагом нападать!

Потапов пока немного не в гамме, поэтому подыгрывать не умеет. Ему еще надо поважиться, реальную политику почувствовать, стратегию понять.

– Береговая батарея находится в замке, огонь вели с одной из крепостных башен, – спокойно пояснил он. – Пушка родственна нашей «сорокапятке», нормально так лупит, снаряды падали на три с половиной километра. Мы сразу же оттянулись мористей. Стрельба прекратилась.

– Загнать «Густава» на удобную позицию и начать методично разваливать бастион, – сразу привел заготовленный аргумент Руслан. – А потом...

Договорить ему не дали – с дальнего конца зала вскочил Коломийцев:

– Это куда ты, мазута сухопутная, собрался паром загонять?

Капитан «Дункана» заорал так, что ладонью, лежащей на прохладной облицовке камина, я почувствовал, как резонирует плитка. Переложить бы надо, так скоро и отвалится.

– По живому бушующему окяюну? Ты вообще понимаешь, что такое мореплавание?

– Понежней, давай, Владимир Викторович! – сразу осадил моряка Главный. – И повежливей – здесь врагов нет, все за одно дело болеем.

Бероев, чтобы успокоиться и не заорать в ответ, взял с подноса стакан с водой, медленно отпил.

– Так нельзя же такое предлагать, он же плоский, как блин! – продолжал негодовать Дядя Вова. – В океан паром выкатывать, ишь! Да ты с «Густава», даже при малой волне, вообще никуда из пушки не попадешь!

Почти всегда корректный Руслан неожиданно для всех нагло показал ему фигу: ноль дипломатии у майора. Капитан «Дункана» начал выходить из-за стола.

– Сели все! – рявкнул Главный. – Кому сказал! Продолжай, Руслан, давай по суше.

Бероев, поняв, что пауз тут допускать нельзя, начал торопливо, но толково рассказывать про полосу отчуждения, про какие-то особые минные поля, которые непременно надо поставить, про проходы в них. Обрисовал несколько вероятных вариантов проведения операции с нанесением максимального материального ущерба, предложил возможную поддержку с моря и даже с гор, варианты отхода групп, ловушек и засад. В заключение он сказал:

– Алексей Александрович, все можно подготовить так, что наши потери будут минимальны. Конечно, в идеале закрутим вообще без потерь.

Потом Фокин дополнил, сообщив, что схемы заграждений уже согласованы, заявки на мины и гранаты поданы. Но ему требуется пополнение погранотряда.

– Да видел я, видел твои заявки, – пробурчал недовольно Сотников.

Они с минуту препирались, а потом слово взял Дугин.

– Из того, что я увидел и услышал от Потапова, мне представилось, что наше орудие несколько дальнобойней. Теоретически можно поставить его и на «Дункан», палуба расчетная, установка вооружения на «Ярославец» предусмотрена – думаю, если правильно поставить, то выдержит.

Коломийцев примолк, думает. С одной стороны, так явно в подельники вписываться... С другой – пушка на борту. Своя!

– Вот! – обрадовался осетин, сразу почувствовав поддержку со стороны. – Коломийцев точно справится, он же у нас ас! Кто ж еще, как не он, молимся, можно сказать... Будем изда- лека долбить по замку, пока «трилистники» не поумнеют. А остальной флот его прикроет, чтобы и близко не совались к фрегату.

Ох... Как дети.

Так вот что я говорю. Они вот тут все молодые, романтичные, ни черта еще не боятся. И общаются-то в основном с себе подобными, то есть с авантюристами да героями, аферюгами и отморожками вроде Гоблина, круг соответствующий, профильный. А мне, как шерифу, приходится общаться с самыми разными людьми, часто с преступниками, маргиналами или просто с идиотами, такие всегда есть, проявляются по ходу жизни сообщества, заранее не избавишься. И это старит, черт побери.

Я поднял руку.

– Шериф? – даже как-то удивился Леша. – Прошу вас, Петр Игнатьевич.

– Если вы начнете обстреливать Квебек с моря, да на такой дистанции, то завтра же армия канадцев пополнится на все мужское, а то и на все женское население анклава, – коротко заявил я и тут же сел обратно, уже с места добавив: – А если хоть одного ребенка убьете...

Пусть дальше сами.

Сотников что-то пометил у себя в блокноте, а сидящие рядом вояки зашептались.

– Руслан, прикинь прямо сейчас и скажи нам, каков у них может быть сводный отряд этого... мобильного действия. Или как у вас правильно называется... Численность? По максимуму.

Бероев размышлять и прикидывать не стал – чувствуется, что они со сталкерами уже давно все прикинули.

– Двадцать бойцов от силы, и то на короткое время. Больше не отвлечешь.

– Обоснование есть?

– Я передам вам расчеты, они у меня с собой. – Капитан чуть приподнял офицерский планшет. – Что? Хорошо, после... Если коротко: круглосуточная охрана периметра Замка

необходима, наверняка рядом есть и пара стратегических объектов, а там погранслужба свое возьмет, stalkеры, мотопатруль может быть, как и у нас. Обеспечение правопорядка...

– Разрешите, я дополню. – Демченко поднялся и, дождавшись жеста, продолжил: – По нашим данным, три дня назад большая часть «Грузинского Батальона» снялась и отбыла в неизвестном направлении, большой блокауз пуст, блокпост «французского» направления охраняли всего три бойца, но вчера сняли и их.

– Опять агентура? – усмехнулся Сотников, заранее показывая мне жестом, что дальше в этом вопросе не пойдет. И не надо: не позволю.

– Гадалку звать не приходится – ясно, куда их отправили, – закончил Сергей. – На побережье. В целом план, предложенный Бероевым и Феоктистовым, вполне реален. Наибольшая трудность – скрытое выдвижение на позиции. Но опытных людей у нас хватает, местность мы себе представляем неплохо, так что...

Потапов поднял руку. Вот мне кажется, что сейчас будет холодный душ.

– Давай.

– Товарищи... Я, конечно, не совсем еще представляю ситуацию, но тут нечто другое. Что мы имеем в случае с канадцами? Имеем другой уровень подготовки.

– Ты о чем это, Федя? – потребовал уточнения Бероев. – Какой еще уровень, говори ясней.

– Я уже после стычки думал, анализировал... Минимум два человека в группе были из опытных охотников, к сожалению, оба они уничтожены, их уже не расспросишь.

– Допросишь, – машинально поправляя, встрял и я.

– Пусть так, – хмыкнул Потапов. – Одного я снял, второго с «Клевера» добрали. Ну, я тела осмотрел, просто интересно было.

– И чего интересного? – нетерпеливо вставил Сотников.

– Оба из нативов.

Некоторые не поняли. Нет, даже многие не поняли. А вот мне чет нехорошо стало, зябко как-то.

– Поясню... Мы вполне можем допустить, что в качестве смежных монокластеров Писатели, пардон, Смотрящие, вкинули канадцам индейские племена, таежные, из Британской Колумбии, например. Горы там, озера, бухты... полигон хороший. Первого убиенного я особенно внимательно обследовал. Одежда, снаряжение, даже ножик особенный. Ну и вид... Следов там уже было не различить, а вот на дорожке отхода я следы второго посмотрел. Этот самый второй шел очень грамотно, правильным мягким шагом, тихо, без тревоги, ну, тут целый комплекс признаков, я сейчас объяснять не буду. И под выстрел он попал только потому, что решил помочь тащить раненого, что-то там произошло в пути, может, кто устал. А так он чуть выше шел, за гребешком в перелеске, самый удачный путь, не видно, не слышно... Я бы тоже так пошел в этом месте. Ну, короче, вместе с раненым его и срезали. Иначе он свалил бы с оставшимися двумя, легко.

Устав от столь длинной речи, Спасатель сел на место, но тут же вновь поднялся:

– И нож у него тоже...

– А что это за ножики такие особые? – тихо поинтересовался Феоктистов. Посерьезнел армеец.

– Диковинный, – заметил компогранотряда Фокин, обгоняя в ответе Потапова, – я никогда таких не видел.

– Подожди, Игорь, – зашипел Бероев.

– У снайпера был «хвост бобра», на шее носят, он у меня на судне лежит. Знаменитый девайс копьевидной формы, обоюдоострый клинок, историческая модель. Делали его бритты и американцы, спецом для индейцев, две компании старались – «Северо-Западная» и «Компания Гудзонова залива». Мало того, завозили его еще и русские компании – на мену.

Генезис идет именно от «запасного», каменного ножа, вариант которого и был распространен практически у всех северных нативов. Я с этим согласен. Была такая практика, что каждый мужик до совсем недавних лет должен был уметь делать каменный нож, причем быстро, если основной вдруг потерялся, сломался и прочее. Потому делали и специфические ножны, чтоб хватило в них места под каменный клинок, – их-то не потеряешь... Что еще. Пластинчатый монтаж, вид очень характерный. Дело в том, что когда чилкуты не могли себе позволить купить их у британцев, то делали сами – из старых шеффильдских напильников. Потом уже так привыкли, что следующие промышленные модели белые заранее стали делать со следами насечки «под напильник» фабрично! В стиль, так сказать... Если коротко, то все. А вот у второго... да обычный скальп-нож был, прическу подрезать, – пожал плечами Федя.

Кто-то кашлянул, за ним сразу еще несколько человек захекали в кулаки.

– Обычный, – вздохнул Сотников, растекаясь в стуле-кресле.

– Зашибца, братцы! – громко прокомментировал услышанное атаман Заостровской. – Обычные такие скальпы, обычными ножиками!

Народ вновь зашушукался.

Главный сидел, прикрыв глаза, думал о чем-то, массируя переносицу пальцами.

– У вас, лапмпасники, хоть шашки есть, – зачем-то вставил старик Пантюхов. – А у нас, эвона, одни топоры каленые.

Туголуков гордо приосанился, провел рукой по боку, словно там действительно шашка висела, поправил усы, толкнул в плечо соседа Хромова, старосту Посада. Сегодня же пойдет к кузнецу еще заказывать, или я не знаю жизни.

– Подождите, подождите, давайте без паники. – Сотников уже пришел в себя. – Федор, а какие конкретно племена? Насколько они алертны? Как наши эвенки или похуже?

Потапов растерялся:

– Да откуда ж мне знать, кто там сейчас аборигенит, это ж Америка. По Британской Колумбии помню: каска и тлинкиты. Ну, ситка, чилкуты из них, уж это слово все слышали. Гора такая есть. У Джека Лондона.

– Ну да.

И тут все посмотрели на профессора. Что нам скажет наука?

Марк Львович бодренько подскочил, незаметно подтянул брючки.

– Мы, конечно, подготовим аналитическую записку должной глубины, тут же нужно время, товарищи. А пока по памяти скажу, что помню. Итак, в числе индейских племен, по сей день живущих на территории Канады, имеются: алгонкины, отава, гуроны, сиу, ирокезы, делавары...

– Твою мать! Ункас снова в деле! – не выдержал Паша Смирнов, наш самый молодой староста, хозяин Дальнего Поста.

А кто такому обрадуется. Томагавки, понимаешь, не фунт изюму Каналом получить. Каково это: услышать на Земле-5 с детства хорошо знакомые имена. Да... Имена, скажу я вам, с репутацией.

– Нормально, томагавком по темечку.

– И трубку мира с анашой.

– А у казачков и чубы есть, удобно хватать.

– Мало на зуавчиков было.

Гольдбрейх заторопился:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.